

Последний шанс

Автор:

Федерико Аксат

Последний шанс

Федерико Аксат

Неизлечимо больной бизнесмен Тед Маккей собирается застрелиться, когда к нему является незнакомец с заманчивым предложением: если Тед убьет двоих – преступника, скрывающегося от правосудия, и невинного человека, который сам хочет расстаться с жизнью, – тогда взамен такой же киллер-самоубийца убьет его самого. Семья Теда будет горевать, но избежит позора...

Соглашаясь, Тед Маккей не подозревает, что включается в сумасшедшую смертельную игру, в которой ему отведена лишь роль пешки.

Федерико Аксат

Последний шанс

Federico Axat

LA ÚLTIMA SALIDA

La última salida © by Federico Axat, 2016

Published in the Russian language by arrangement with Pontas Literary & Film Agency

Правовую поддержку издательства осуществляет юридическая фирма «Корпус
Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2018

* * *

Моим родителям

Лус Л. Ди Пирро и Раулю Э. Аксату

A hand in the pocket

Fingering the steel

The pistol weighed heavy

And his heart he could feel was beating

Beating, beating, beating,

Oh my love, oh my love

Oh my love, oh my love.[1 - Рука в кармане,Касаясь пальцами стали,Ощутила
тяжесть пистолета.Он чувствовал, как бьется сердце,Бьется, бьется, бьется.О,
любовь моя, о, любовь моя,О, любовь моя, о, любовь моя...(англ.).]

U2. Exit

Часть первая

Когда Тед Маккей уже готов был спустить курок и вышибить себе пулей мозги, во входную дверь настойчиво позвонили.

Он решил переждать. Пока за дверью кто-то есть, стрелять нельзя.

Кто бы ты ни был, пошел вон.

Снова звонок. И громкий мужской голос:

– Откройте! Я знаю, что вы меня слышите!

Слова прозвучали так отчетливо, буквально над самой головой, что Тед не поверил своим ушам: может, ему мерещится?

Он огляделся в пустом кабинете, словно пытаясь убедиться, что это не галлюцинация. Тут были его книги по финансам, репродукция Моне, письменный стол... и письмо, в котором он все объяснял Холли.

– Откройте, прошу вас!

Тед все еще держал браунинг на весу в сантиметре от головы, и кисть начала уставать. План не сработает, если этот тип услышит выстрел и вызовет полицию. Холли с девочками уехали в Диснейленд, и Тед не мог допустить, чтобы страшная новость застигла их далеко от дома. Нет уж.

Незванный гость теперь не только названивал, но и колотил в дверь.

– Эй! Я не уйду, пока вы не откроете!

Пистолет дрогнул в руке. Тед опустил кисть на правое колено. Левой рукой пригладил волосы и мысленно послал незнакомца подальше. Кто он? Очередной торговец? В этом престижном районе их не жаловали, особенно если они вели

себя так нагло.

На несколько секунд крики и стук стихли, и Тед стал медленно-медленно подносить пистолет к виску.

Он было подумал, что наглец устал и убрался восвояси, однако новые удары и вопли убедили его в обратном. Тед не собирался открывать. Еще чего. Переждем. Рано или поздно нахал вынужден будет смириться с неизбежным – что еще ему остается?

Одна вещь на столе внезапно привлекла его внимание. Это был сложенный пополам листок бумаги, точно такой же, как тот, на котором он написал прощальное письмо Холли. Но на этом листке имени жены не было. Неужели он, идиот, не догадался уничтожить все анализы? Крики за дверью не умолкали. Тед, утешая себя мыслью, что непредвиденное промедление принесло хоть какую-то пользу, развернул листок и прочел записку.

От прочитанного мороз прошел по коже. Почерк его. Однако он не помнил, чтобы писал хоть одну из этих двух фраз.

ОТКРОЙ ДВЕРЬ

ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Может, он написал это по какому-то поводу, которого сейчас не припомнит? Может, во время игры с Синди или Надин? Нет, найти объяснение не удавалось... тем более в тот момент, когда псих за дверью, казалось, вот-вот ее выломает. Но ведь было же объяснение, его не могло не быть.

Ну-ну, обманывай себя на здоровье.

– Откройте же, наконец, Тед!

Он вздрогнул от неожиданности. Его называли по имени? Тед не водил близкого знакомства с соседями, но все же ему казалось, что их голоса он знает, а голос этого типа не походил ни на один из них. Он положил пистолет на стол. Никуда не денешься: придется выяснить, кто там. В конце концов, ничего страшного: он быстро отделается от назойливого посетителя, кто бы тот ни был, вернется в кабинет, пустит себе пулю в лоб, и дело с концом. Когда на обдумывание плана ушла не одна неделя, едва ли его осуществлению помешает какой-то дурно воспитанный коммивояжер. Тед решительно встал, нашарил пальцем в баночке с карандашами, скрепками, полустертыми ластиками и прочей ерундой ключ, спрятанный там несколько минут назад, вынул его и стал недоверчиво разглядывать, как бывает, когда вдруг обнаружишь что-то, чего не чаял увидеть при жизни. Ведь в эту минуту он со следами пороха на ладони, сползая с кресла, уже должен был уплывать к свету.

Когда решаешь покончить с собой – даже если у тебя нет никаких сомнений, – последние минуты – настоящее испытание воли; Тед только что получил этот урок и с отвращением думал, что придется пройти через все еще раз.

Он раздраженно зашагал к двери кабинета, отпер ее и ощутил жгучий укол досады при виде записки, приклеенной скотчем снаружи чуть выше его головы. Это было предупреждение для Холли. «Дорогая, я оставил дубликат ключа на холодильнике. Не входи с девочками. Люблю тебя». Выглядело довольно жестоко, но Тед все тщательно обдумал. Он не хотел, чтобы одна из его маленьких дочерей обнаружила тело отца у стола с дыркой в голове. С другой стороны, умереть в кабинете явно имело смысл. Он взвешивал такие варианты, как утопиться в реке или уехать куда-нибудь далеко и броситься под поезд, но понял, что для его семьи неопределенность была бы куда страшнее. Особенно для Холли. Она должна была увидеть все собственными глазами, чтобы не осталось ни малейших сомнений. Удар в сердце. Она молода и красива, сможет устроить свою жизнь. Начать все сначала.

Опять стук в дверь.

– Иду! – крикнул Тед.

Стук прекратился.

Открой дверь. Это твой последний шанс.

В окошке рядом с дверью маячил силуэт незваного гостя. Тед прошел через гостиную нарочито, чуть ли не вызываясь медленно, разглядывая все, как секунды назад разглядывал ключ от кабинета. Вот огромный экран телевизора, стол на пятнадцать персон, фарфоровые вазы. Он уже успел по-своему проститься с каждым из этих принадлежащих бренному миру предметов. И тем не менее вот опять он здесь, старина Тедди, бредет по собственной гостиной, точно призрак.

Он застыл на месте. А вдруг это и есть его вариант «света»?

На секунду ему пришла в голову нелепая идея вернуться в кабинет и убедиться, что за столом нет его бездыханного тела. Он провел рукой по спинке дивана, почувствовал прохладное прикосновение кожи, слишком реальное, чтобы быть плодом его воображения. Но откуда ж знать наверняка?

Тед открыл дверь и, увидев на пороге молодого человека, понял, почему тому удалось выжить, работая коммивояжером, несмотря на дурные манеры. Парень был одет в идеально белые брюки на ремне из змеиной кожи и футболку в разноцветную полоску. Он скорее напоминал игрока в гольф, чем мелочного торговца, хотя и сжимал в правой руке ручку кожаного чемоданчика, потрепанный вид которого так не гармонировал с нарядом хозяина. У парня были светлые волосы до плеч, голубые глаза и развратная улыбка, которой позавидовал бы сам Джо Блэк[2 - Главный герой фильма «Знакомьтесь: Джо Блэк» (1998 года). На самом деле это смерть, решившая устроить себе небольшие каникулы и познакомиться с миром людей, для чего приняла облик обаятельного молодого человека (роль которого исполнил Брэд Питт).].

Тед легко мог представить, как Холли или всякая другая из живущих по соседству дам охотно покупает у этого юноши любую ерунду, которую он вздумает им впарить.

– Чего бы вы ни предлагали, мне это не интересно, – сказал Тед.

Улыбка стала еще шире.

– Боюсь, мне нечего вам продать.

Он произнес это таким тоном, будто ничего забавнее и выдумать невозможно.

Тед бросил взгляд на улицу через плечо незнакомца. Никакой машины, припаркованной у тротуара да и дальше вдоль бульвара Салливана, он не заметил. Жара в тот день была вполне терпимой, но все же, если наглый красавчик прошел по солнцепеку всю улицу пешком, какие-то следы на его одежде должны были остаться. Да и вообще, с чего бы ему парковаться так далеко?

– Не пугайтесь, – сказал незнакомец, будто читая его мысли, – коллега высадил меня здесь, а сам уехал, чтобы не вызывать лишних вопросов у соседей.

Упоминание о сообщнике не беспокоило Теда. Гибель от рук грабителей, возможно, даже была бы ему на руку: это куда пристойнее, чем пустить себе пулю в лоб.

– Я занят. И вы мне здесь не нужны. Исчезните.

Тед хотел было захлопнуть дверь, но молодой человек удержал створку рукой. В этом жесте не было враждебности, наоборот, парень смотрел чуть ли не умоляюще.

– Меня зовут Джастин Линч, мистер Маккей. Если вы...

– Откуда вам известно мое имя?

– Если вы позволите мне войти и уделите десять минут, я вам все объясню.

На мгновение Тед замешкался. Он вовсе не собирался впускать этого типа в дом, но факт оставался фактом: тому удалось вызвать к себе некоторое любопытство. Однако в конце концов верх взял рассудок.

– Сожалею, но сейчас для разговоров не самый подходящий момент.

– Вы ошибаетесь, как раз подхо...

Тед захлопнул дверь. Последние слова Линча донеслись до него снаружи, хоть и приглушенно, но вполне отчетливо. «Сейчас самое время». Тед остался у двери и

прислушался, как будто знал, что последует продолжение.

Так и оказалось. Линч заговорил громче, чтобы его расслышали.

– Я знаю, что вы собираетесь делать с девятимиллиметровой пушкой, которую оставили в кабинете на столе. Обещаю: отговаривать вас я не стану.

Тед открыл дверь.

2

Он готовился к самоубийству весьма основательно. Решение его не было внезапным, импульсивным, влекущим за собой массу непредвиденных последствий. Он был не из тех, кто планирует все кое-как, будто специально, чтобы привлечь внимание. Так ему, по крайней мере, казалось. Но если все настолько тщательно продумано, откуда смог что-то вывести Линч? Этот субъект с широкой улыбкой и с идеально правильными чертами лица был информирован и о калибре оружия, и о том, где оно оставлено. Хотя догадаться, что Тед покончит с собой именно в кабинете, было нетрудно, и, возможно, Линч брякнул это от фонаря, пусть и самым уверенным тоном.

Они сидели за столом друг против друга. Теда привычно потрянуло, как всегда после мощного выброса адреналина, и тут же наступил невероятный прилив интеллектуальных сил, обычно позволявший взять верх над очередным соперником. В шахматы он не играл уже много лет, но ощущение было очень знакомо. И приятно.

– Выходит, Трэвис прислал тебя шпионить за мной, – это был не вопрос, а утверждение.

Линч, успевший поставить чемоданчик на стол и уже собиравшийся открыть его, замер, и по лицу его пробежала тень досады.

– Ваш компаньон не имеет к этому ни малейшего отношения, Тед. Вы не против, если я буду называть вас просто по имени?

Тед пожал плечами.

– Что-то я не вижу в комнате фотографий ваших дочерей, Надин и Синди, – сказал Линч, заглядывая в чрево своего чемоданчика. Похоже, он там что-то искал.

Семейных фотографий и вправду не было. Тед убрал их из гостиной. Уж если ты решил покончить с собой – убери с глаз фотографии родных. Трудно обдумывать самоубийство под пристальным взглядом любимых.

– О моих дочерях больше ни слова.

Линч изобразил самую обаятельную из своих улыбок и, как бы сдаваясь, поднял руки.

– Я всего лишь пытался расположить вас к себе, чтобы легче было разговаривать. Мне приходилось видеть их фотографии, и я знаю, что сейчас они с матерью во Флориде. Поехали навестить дедушку с бабушкой, да?

Реплика точь-в-точь как в сериале про бандитов. Мы, мол, знаем, где твои родные, так что не умничай. Но Линч казался искренним. Может, и правда он таким образом проявлял участие.

– Я впустил тебя в дом, так что мы, считай, уже на короткой ноге.

– Это радует.

– Скажи, что еще тебе известно о моей семье.

Линч махнул рукой.

– Боюсь, немного. Мы не любим понапрасну копаться в чужом белье. Знаю, что они возвращаются в пятницу, так что на наши дела у нас есть три дня. Более чем достаточно.

– На наши дела?

– Ну да!

Линч достал две папки и отложил их в сторону. Потом убрал чемоданчик.

– Тед, вы никогда не думали кого-нибудь убить?

Да, парню явно нравилось сразу брать быка за рога.

– Если ты полицейский, то обязан предъявить документы.

Тед встал из-за стола. Папки наверняка набиты похабными фотографиями. За ним следили, подозревая в убийстве, и то, что он собрался застрелиться, расценивалось как самое веское доказательство вины. Потому-то Линч так настойчиво ломился в дом. А может, он агент ФБР?

– Я не полицейский, Тед. Сядьте, пожалуйста.

– Убирайтесь из моего дома сию минуту. – Тед указал на дверь, как будто Линч и без него не нашел бы обратной дороги.

– Вы и вправду хотите, чтобы я ушел, так и не сказав, откуда мы знаем о самоубийстве?

Ловкий тип. Тед ведь действительно хотел это знать.

– Даю вам пять минут.

Садиться Тед не стал.

– Справедливо, – отозвался Линч. – Приступаю к объяснениям. Я – сотрудник организации, заинтересованной в том, чтобы люди, подобные вам, познакомились с людьми, подобными тем, что у меня здесь, – и он указал на папки. – Если позволите, я открою одну из этих папок, и мы бросим беглый взгляд на ее содержимое. Вы умны и быстро поймете, что к чему.

Линч открыл папку и подвинул ее к середине стола, повернув к Теду. Тот все еще стоял, уперев руки в бока.

Это была копия полицейского досье. На развороте были фотографии молодого человека лет двадцати пяти анфас и в профиль, смуглого, с прилизанными волосами. В объектив он смотрел дерзко, слегка задрав подбородок и широко раскрыв глаза. Звали его Эдвард Блейн.

– В прошлом у Блейна мелкие судимости: за кражи и хулиганство, – рассказывал Линч, переворачивая страницу. – На этот раз его обвинили в убийстве подружки.

Тед, выходит, не ошибался: папка и в самом деле была набита похабными фотографиями. На первом же снимке – тело женщины, убитой с особой жестокостью. Она лежала в узкой щели между кроватью и шкафом, на обнаженной груди зияли как минимум семь ножевых ран.

– Ее звали Аманда Эрдман. Они с Блейном встречались не слишком часто: ничего серьезного между ними не было. Он добывал ей дешевые наркотики, время от времени оба задумывались о более серьезных отношениях, но, по словам общих знакомых, только и делали, что ссорились и мирились. Когда женщина была обнаружена мертвой в своей квартире, полиция напрямик направилась к Блейну. Он подтвердил, что поссорился с Эрдман на почве ревности, но не признался, что зарезал ее. Хотите знать, чем все кончилось? Доказательств не нашли. Пришлось его отпустить.

В какой-то момент во время рассказа Тед все же сел. Он не мог оторвать взгляда от фотографий. Линч перевернул страницу. Там были крупные планы: заплывший глаз Аманды, глубокие раны на груди, синяки по всему телу.

– Он невиновен? – спросил Тед в замешательстве.

– Ублюдок проявил осмотрительность: он не бил ее кулаками, да и оружие убийства не было обнаружено. В доме полно следов Блейна, а на теле – ни одного.

– Но ведь он практически признался, когда рассказал о ссоре.

– Защита сослалась на то, что признание дано под давлением, и сумела это доказать. Но по-настоящему его выручила экспертиза времени смерти. Криминалист в протоколе указал, что смерть наступила между семью и десятью вечера. И множество свидетелей заявили, что видели Блейна именно в это время в забегаловке под названием «Черная шляпа». Похоже, он нарочно попадался на глаза всем подряд: у него было около тридцати достоверных свидетельств и даже видеозапись с камеры наблюдения над стоянкой.

Тед стал листать страницы. Там было еще несколько фотографий тела Эрдман и копии документов с подчеркнутыми абзацами.

– Вы уже все поняли, да, Тед?

Тед и в самом деле начал кое-что понимать.

– Откуда вы знаете, что Блейн действительно убил ее?

– Организация, к которой я принадлежу, имеет источники информации в уголовной сфере. Я не преступников имею в виду: с ними мы предпочитаем не связываться. Речь об адвокатах, судьях и технических работниках, которые чувствуют, когда дело об убийстве дурно пахнет. Наша забота... развеять любые сомнения. В случае с Блейном объяснение самое простое: парню откровенно повезло. Мы наняли эксперта, чтобы он ответил на вопрос: как стала возможной такая серьезная ошибка с определением времени смерти. Он ответил, что результаты экспертизы зависят от температуры тела, измеряемой в момент его обнаружения. Известно, с какой скоростью остывает труп, и...

– Знаю, – перебил Тед. – Я тоже смотрю сериалы про криминалистов.

Линч усмехнулся:

– Тогда сразу к делу. Мы изучили место преступления и все поняли. Прямо под квартирой Аманды Эрдман (там, кстати, сейчас никто не живет) расположена прачечная. Главная вентиляционная труба как раз проходит под тем местом, где обнаружили труп. Так что горячий воздух согревал тело, и оно остывало не так быстро, как это бывает обычно.

– То есть он убил ее раньше.

– Вот именно. То ли на шесть, то ли на восемь часов раньше. Смерть наступила не вечером, а около полудня, до того, как Блейн отправился в бар.

– И никак нельзя было опять открыть дело?

– Приговор уже обжалован и подтвержден выше стоящей инстанцией. Мы не в претензии к судебной системе. Время от времени это случается: какому-нибудь подонку удастся просочиться в щели, которые до сих пор не удосужились законопатить. К сожалению, бывают и противоположные случаи. Но одно ведь не уравнивает другого, согласны?

Услышанного Теду было вполне достаточно.

– Вы хотите, чтобы я убил Блейна, так?

Линч сверкнул ровными белоснежными зубами. – Ну я же говорил, что вы умный человек.

3

Он остановился у холодильника. Магнитом в форме яблока к дверце была прилеплена фотография Холли, единственная, которую он забыл убрать. Девочки вставили ее в рамку из нескольких разноцветных прямоугольников из фольги. Холли выбегала из моря в красном бикини, которое долгие годы было у Теда любимым. Она смеялась, повернувшись в профиль, длинные светлые волосы развевались на ветру. Фотограф застал Холли в тот момент, когда одной ее ноги из-за колена не было видно, так что единственная опора, казалось, удерживала ее, нарушая все законы равновесия.

Фотография висела тут очень давно. Тед смотрел на нее, забыв, зачем, собственно, пришел на кухню. Потом он подцепил фотографию за угол и потянул. Почти как наяву он услышал смех Холли и тут же – ее плач и душераздирающие крики в дверях кабинета... Можно ли так поступить с нею?

Он выдвинул какой-то ящик и положил фотографию поверх каких-то неведомых ему предметов.

В холодильнике остались две бутылки пива. Он подхватил их за горлышки одной рукой, ногой захлопнул дверцу, но остановился, облокотившись о столешницу. Линч все еще сидел в гостиной, и Тед вдруг решил угостить его выпивкой, о чем уже жалел. Надо было поразмыслить в одиночестве. Дело в том, что, когда незнакомец намекнул на свой план, у Теда в груди неприятно защекотало. С одной стороны, самосуд – дело нехорошее, с другой – мир был бы куда лучше без паразитов вроде Блейна. Перспектива стать убийцей Теда не радовала, он вообще выступал против смертной казни – во всяком случае, всегда так говорил, если его спрашивали. Иногда на стрельбище, целясь в движущуюся картонную мишень и мечтая влить ей заряд в башку, он воображал, будто расправляется со злодеем, с типом, совершившим какое-то зверство или мерзость. Он кивнул, соглашаясь с собственными мыслями. Линч, если и не был в прямом смысле торговцем, сумел затронуть некие струны в душе Теда и тем самым заставил отнестись к своему предложению серьезно.

Он не сводил глаз с магнитика в форме яблока. Теперь, когда там не было фотографии Холли, можно было хладнокровно все обдумать. Идеи Линча казались соблазнительными, в них было что-то глубокое, что-то важное: если Тед убьет злодея, то Холли с девочками будут считать его борцом за справедливость, а не трусом.

По пути в гостиную его посетила дикая мысль, что он никого там не обнаружит. Окажется, что Линч ушел, не простившись, или и того хуже: встреча Теду померещилась.

Но Линч был на месте, и перед ним лежали все те же две папки. Он встал, чтобы взять бутылку из рук Теда и кивком поблагодарил его. Потом надолго приложился к горлышку.

– Как вы узнали? – Тед снова сел за стол.

– О самоубийстве?

Тед кивнул.

– У нас свои методы, Тед. Было бы неблагоразумно делиться ими.

– Уж поделись. Такую-то малость я заслужил, раз ты уговариваешь меня убить человека.

Линч задумался.

– Это означает, что наше предложение принято?

– Это не означает ровным счетом ничего. Пока что я хочу, чтобы ты сказал мне, как вы обо всем узнали.

– Думаю, это справедливо. – Линч сделал еще глоток и поставил бутылку на стол. – Мы отбираем кандидатов двумя способами. Первый дает нам большее их количество, однако он не так эффективен, как второй. К сожалению. Связанные с нашей организацией психологи предоставляют нам информацию о потенциальных самоубийцах. Разумеется, это не совсем этично: они идут на частичное нарушение профессиональной тайны. Однако мы никого не неволим. Просто приходим домой к кандидату, как я к вам, и делаем предложение. Если кандидат его не принимает, исчезаем, не оставляя следа. В вашем случае, вынужден признать, появление мое было более бесцеремонным, чем обычно. Мне показалось... что я опоздал.

– Ты шпионил за мной?

– Не то чтобы шпионил. Перед тем как явиться домой к кандидату, я обычно осматриваю его дом и участок. Хотя в вашем случае мы знали, что супруга и дочери в отъезде, всегда можно нарваться на неожиданно нагрянувшего родственника или друга. Или на собаку, которая терпеть не может гостей. Обходя дом, чтобы убедиться, что все спокойно, я заглянул в окно кабинета и увидел, что вы собираетесь делать.

– Понятно. Значит, все-таки шпионил.

– Простите. Обычно мы стараемся как можно меньше лезть в чужие дела.

– Каков второй способ отбора?

– Ах да. Видите ли, Тед, немало людей испытывают благодарность к организации, чувствуют, что они в долгу. Многие из тех специалистов, о которых я говорил, также относятся к этой категории. Но в основном речь идет о...

– О тех, кто имеет какое-то отношение к жертвам.

Тед указал на папки.

Линч, похоже, был из тех, кто гораздо уютнее чувствует себя, беседуя намеками, чем называя вещи своими именами. На мгновение на лице у него промелькнула недовольная гримаса.

– Так и есть, – признал он, желая поставить на этой теме точку. – Теперь позвольте объяснить, что в другой папке.

Линч отложил досье Блейна в сторону и раскрыл другую, гораздо более тонкую папку. Поверх прочих бумаг лежала цветная фотография мужчины лет сорока, стоящего на палубе небольшого катера в спасательном жилете и с удочкой в руках, на крючке которой болталась огромная рыба.

– А это кто?

– Его фамилия Уэнделл. Возможно, вы о нем слышали. Известный бизнесмен.

– Не знаю такого.

– Тем лучше.

Тед отодвинул фотографию. Под ней было несколько машинописных страниц и несколько планов местности с адресами. Намного меньше информации, чем в первой папке.

– А бизнесмен-то кого прикончил? Жену?

– У Уэнделла жены нет. И никого он не прикончил. Он не такой, как Блейн. Он – как вы.

Тед удивленно поднял брови.

– Он тоже хотел покончить с собой, – сказал Линч. – И он, как вы, осознает, какую боль и непонимание вызовет это у близких. Ваше дело, Тед, убить Блейна и тем самым принести мир и осознание того, что справедливость восторжествовала, родным Аманды Эрдман, а мы в благодарность позволим вам стать частью цепочки, где Уэнделл – звено, за которым следуете вы.

Тед на минуту задумался. И быстро все понял.

– Убив Блейна, я потом должен убить и Уэнделла?

– Совершенно верно. Он уже знает об этом и ждет вас. Так же, как вы потом дождетесь здесь у себя дома появления очередного звена цепочки. Подумайте, Тед. Подумайте, насколько легче будет вашим родным, если они обнаружат, что кто-то вломился в дом и застрелил вас, чем если вы покончите...

– Не продолжай.

– Знаю, вы уже обо всем подумали, – сказал Линч, не обращая внимания на просьбу Теда. – Например, о том, что застрелиться лучше, чем пропасть без вести. Но теперь вам предоставляется наилучшая из всех возможностей: остаться в памяти жертвой преступника, жертвой слепой судьбы. Подумайте, насколько легче вашим дочерям будет пережить это. Не знаю, известно ли вам, что многие дети так никогда и не могут оправиться от...

– Хватит! Я все понял.

– Так что вы скажете?

– Мне надо подумать. Уэнделл ни в чем не виновен.

– Послушайте, Тед! Я с вами не с первым беседую. Поверьте. Дело не только выгодно для вас, но и для Уэнделла, который ждет в доме у озера, чтобы исполнилась его последняя воля.

– Почему бы вам не взять это на себя?

Линч не был обескуражен. Его улыбка убедительно подтверждала, что он и в самом деле вел подобную беседу далеко не в первый раз. Ни один вопрос не ставил его в тупик. У него, как у сотрудника колл-центра торговой фирмы, казалось, была шпаргалка на все случаи жизни.

– Мы в этой истории – «хорошие парни». Тот, кто убивает, по нашему мнению, должен умереть. Мы всего лишь устанавливаем связь между людьми, ухитрившимися обмануть правосудие, и теми, кто готов отдать жизнь за правое дело. Мы выбрали вас. Это ваш шанс. Боюсь, что последний.

Тед опустил глаза. Из кармана брюк выглядывал краешек записки, которую он нашел на письменном столе и сам не помнил, как сунул в карман. Он вытащил ее и развернул под столом – так, чтобы Линч ее не видел. Тот сидел и ждал окончательного ответа.

ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС, прочел Тед.

Линч только что произнес практически те же слова.

Эдвард Блейн был одинок и жил в районе, населенном людьми среднего достатка. Соседи терпеть его не могли. Он был неприветлив, занимался какими-то тайными делишками, так что отношения с соседями постепенно портились и в конце концов стали и вовсе натянутыми и едва выносимыми. Блейн был настоящим подонком, и хуже всего, что сам этим чуть ли не гордился, судя по тому, как нахально сверкал он очками с зеркальными стеклами и самодовольно ухмылялся каждому встречному. С ним пытались поговорить по-хорошему, пытались пригрозить, но без толку. Словно трудный подросток – а между тем ему уже перевалило за тридцать, – он хамил любому, кто подходил к нему с добром, желая хоть как-то договориться. Блейн упорно пренебрегал нормами общежития: запустил сад, дурно обращался со своим псом, грозным ротвейлером по кличке Магнус, долгими часами сидящим на цепи и встречающим оглушительным лаем всякого, кто проходил мимо. Добавьте к этому пьянки с друзьями, оглушительную музыку, грохот мотоцикла... Стоит ли

говорить, что Блейн часто возвращался домой пьяным или под кайфом, приводил с собой проституток, которых потом полуголыми выставлял на улицу, и они в таком виде топтались на тротуаре, ожидая такси.

Когда стало известно, что Блейна обвиняют в убийстве, многие обрадовались и даже вызвались заявить в суде о непотребном поведении своего ныне знаменитого соседа. Некоторые сокрушались, что Блейн замочил подружку у нее, а не у себя дома: тут нашлись бы неопровержимые свидетельства, а то и очевидцы, так что он уж точно загремел бы в тюрьму на несколько лет. Никто не сомневался, что бедную девушку именно Блейн и убил. Соседи заранее ликовали, потому что были абсолютно уверены: Блейн предстанет перед судом, и его признают виновным в гибели Аманды Эрдман. Мечты сбываются.

Да вот только прокурору пришлось отпустить Блейна. Железобетонное алиби. Несколько человек видели сукина сына в каком-то баре как раз в час, когда произошло убийство. И записи с нескольких камер наружного наблюдения подтверждали, что Блейн не мог быть убийцей. Соседей, понятное дело, это не убеждало. Они в толк не могли взять, как подлецу удалось обвести правосудие вокруг пальца. Может, у него был брат-близнец или что-то в этом роде. Как бы то ни было, ему удалось выйти сухим из воды. Теперь приходилось жить по соседству не с мелкой шпаной, а аж с убийцей. Многие задумывались о переезде.

Тед внимательно изучил оставленное ему Линчем досье, жуя гамбургер за самым дальним столом какого-то фастфуда. Об Эдварде Блейне никто не пожалеет, думал он. Можно было смело входить в дом с парадного крыльца: соседи не сдадут. Тед постарался запомнить все, что могло пригодиться. Например, то, что типчик прячет под половиком дубликат ключа. А собака? Собака – не помеха.

Кусая гамбургер, он составил в уме простой план. Ему удалось – как ни странно – отвлечься от собственных проблем, глотая кока-колу и закусывая горстями жареной картошки. Фотографии Аманды Эрдман и кое-какие мерзкие подробности из жизни Блейна вызвали у Теда настоящее желание убить его. Наконец он понял, что имел в виду Линч под щелями в системе правосудия. Мысль о том, что его миссия – исправить роковую ошибку, придавала Теду сил.

Он спрятался в шкафу в гостевой спальне на нижнем этаже, удобно устроившись между коробками, для чего пришлось их слегка передвинуть. Над

его головой с нижней стороны полки поблескивала наклейка с изображением звездного рейнджера Базза Лайтера из «Истории игрушек». Тед представил себе ребенка, который наклеил светящуюся картинку на полку, чтобы закрываться в шкафу, как он сам в эти минуты, и смотреть, как она сверкает. Ему взгрустнулось и стало жаль старину Базза, брошенного хозяином и вынужденного сиять в одиночестве.

Блейн вернулся только через четыре часа. Тед заранее запомнил расположение комнат и теперь мог мысленно отследить все перемещения Блейна. Вот он входит в дом через гараж, болтая по телефону и посмеиваясь. Потом принимает душ. Не исключено, что снова уйдет куда-то на ночь глядя, но ничего, Тед его дождется. Он уже просидел в шкафу несколько часов и мог сидеть еще сколь угодно долго, то засыпая, то просыпаясь.

Тед снова прокрутил в голове свой скучный план, способный разочаровать любого голливудского продюсера. В нем не было ни драк, ни гневных объяснений, ни угроз. Дождаться, когда Блейн уснет, вылезти из шкафа, зайти к нему в спальню и убить так, чтобы тот не успел толком проснуться. Даже милосердно, черт побери.

В половине десятого – Тед узнавал время, глядя на экран своего мобильного, – Блейн смотрел в гостиной телевизор, возможно одновременно ужиная и время от времени отпуская ругательства в адрес бестолкового участника какой-то глупой викторины. Перспектива была неясна. Блейн с равным успехом мог отправиться на гулянку, и тогда ожидание грозило стать бесконечным, мог принять гостей у себя дома, а мог, как паинька, лечь спать в детское время. Однако одна деталь грозила сорвать весь план. Тед понял это раньше самого Блейна и тут же насторожился, прислушался, пытаясь уловить посторонний звук за фонограммой аплодисментов и визгливым голосом ведущего. Магнус в саду перед домом жалобно скулил. Тед досадливо поморщился и покачал головой. Дозы снотворного, которое он скормил псу, оказалось недостаточно.

Телевизор внезапно смолк. После долгой паузы скрипнула, открываясь, входная дверь и захлопнулась снова. Блейн говорил с кем-то по телефону, но так тихо, что из шкафа ничего невозможно было разобрать. Он бродил по гостиной, потом голос с каждой минутой стал делаться все яснее, слова все разборчивее, и тут случилось неожиданное: он вошел в гостевую спальню, ту самую, где спрятался Тед. Зажег свет и захлопнул дверь. Тед держал дверцу шкафа чуть приоткрытой, и теперь закрыть ее так, чтобы не привлечь внимания, было

невозможно. Он видел, как Блейн нервно вышагивает по другую сторону кровати, прислушиваясь к тому, что говорит ему невидимый собеседник.

– Я об этом и толкую, Тони, Магнуса чем-то накачали. Он едва шевелится. Что-то с ним сделали. Если это соседи-ублюдки, я с ними разберусь... А?.. Что?.. Нет, я этого не сделал.

Блейн остановился, сел на кровать спиной к шкафу и заговорил тише:

– Да, ты прав, Тони. Сейчас все осмотрю. Конечно. Перезвоню позже. Пока.

Он вышел из комнаты, не погасив света.

Дважды Тед видел, как Блейн крался мимо по коридору. Во второй раз Теду показалось, что в правой руке Блейна что-то блеснуло. Его появление в гостевой спальне было вопросом времени. Тед вытащил из кармана куртки нож, которым собирался зарезать спящего Блейна. Око за око.

Десять минут спустя Блейн появился в проеме двери. В руках у него действительно было оружие. На мгновение Теду показалось, что его засекли, что Блейн смотрит прямо на шкаф и видит приоткрытую дверцу. Но, войдя в комнату, Блейн опять сел спиной к шкафу, взял и поднес к уху оставленный на кровати телефон.

– Тони, привет. Всё на месте. Да, я как раз об этом. Завтра буду разбираться, кто из соседей траванул Магнуса. Но это завтра: я засыпаю на ходу... двое суток без сна... Это – конечно... ну я же тебе сказал. Не беспокойся. Пока, Тони.

Он вышел. На этот раз потушив свет.

Тед не стал снова прятать нож. Вдруг это ловушка? Почему Блейн не заглянул в шкаф? Пришлось выждать полчаса, чтобы убедиться, что хозяин дома уснул.

Тед медленно-медленно открыл дверцу шкафа, прошел через гостевую комнату, потом через гостиную к лестнице. В слабом свете с улицы он едва различал очертания предметов. Магнус больше не скулил, и по Игл-стрит в этот час не проезжала ни одна машина. Стоило споткнуться, задеть что-нибудь – и Блейн

тут же заподозрит неладное. Тед поднялся по лестнице, стараясь ставить ноги на ступени как можно ближе к стене. Доски не заскрипели – не выдали его. Самое трудное позади, подумал он, – весь второй этаж устлан коврами.

К спальне Блейна вел узкий коридор. Заглянув в дверь, Тед разглядел очертания тела под белой простыней. Тусклый свет из окна позволял пройти по комнате, не рискуя ни на что наткнуться. Он сжал нож в кулаке и замахнулся, как вдруг...

– Одно движение – и в твоей голове дыра, – послышалось из-за спины.

Ствол пистолета упирался Теду в затылок, яркая лампа слепила. По мере того как глаза привыкали к освещению, фигура Блейна на кровати постепенно превращалась в подушку.

Не упусти случай: обернись и метни в него нож. Если он прострелит тебе башку, то разве не к этому ты стремишься? Не все ли равно твоему мозгу, чья пуля его протаранит?

В кармане брюк лежала записка с письменного стола: ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС.

– Разожми кулак и выпусти нож, – сказал Блейн. – Молодец. Не поворачивайся и подними руки.

Похоже было, что без диалога в голливудском духе дело таки не обойдется.

Тед не волновался. Блейн не выстрелил сразу, это был верный знак, что он пребывает в сомнениях: должно быть, мысленно спрашивал сам себя: кто же это надумал меня убить? К тому же, ясное дело, меньше всего ему сейчас в доме был нужен труп, не говоря уже о том, что выстрел привлек бы внимание соседей. Тед удивился, насколько много всего он успел обдумать, будто в самой что ни на есть спокойной обстановке. Он чувствовал себя супергероем. И так хладнокровно рассуждая, он понял, что не хочет пасть от руки этого подонка. Было что-то непристойное в том, чтобы убийцей его оказался Блейн. Именно в этот момент, ощущая спиной дуло пистолета и чувствуя себя абсолютно беззащитным, он наконец отчетливо это понял. Одно дело принять предложение Линча и умереть от рук незнакомца затем, чтобы по возможности облегчить страдания родных, но Блейн? А может, инстинкт самосохранения сработал. Кто

его знает?

– Ты заметил меня, да? – спросил уверенным тоном Тед. – Когда ты вошел в комнату и говорил по телефону... тогда ты меня и заметил.

– Кто тебя подослал?

– Почему ты думаешь, что меня подослали?

– Если тебя никто не нанимал, скажи прямо, и твоя жизнь кончена. Если скажешь, кто тебя нанял, проживешь чуть дольше. Так или иначе, живым тебе отсюда не уйти.

– Нет, на такие условия я не согласен.

Тед начал очень-очень медленно оборачиваться.

– Я сказал, не вертись!

Тед замер.

– Извини, но мне важно, чтобы ты увидел мое лицо. Мы с тобой знакомы.

Блейн заколебался.

– По голосу я тебя не узнаю.

– Естественно. Как только согласишься мне в лицо, все поймешь. Поверь.

Рыба клюнула. Осталось только подсечь и вытащить. Блейн был заинтригован, теперь он сосредоточится на лице Теда, будет занят решением неразрешимой задачи.

– Ладно, – сказал Блейн. – Оборачивайся. Медленно! И не опускай рук.

Тед начал медленно-медленно поворачиваться. Рассчитал точно тот момент, когда глаза Блейна и обе поднятых руки окажутся на одной линии.

Элементарный трюк. Блейн не сводил глаз с головы Теда, которая отнюдь не случайно поворачивалась несколько медленнее, чем тело. В одно мгновение Тед обернулся и одновременно рукой, невидимой в это время Блейну, выхватил из кармана пиджака браунинг. Блейн угадал, в чем дело, когда Тед окончательно повернулся к нему и без колебаний выстрелил из браунинга, держа его на уровне груди. Стрелять, не прицелившись, согнутой рукой и снизу, было неудобно, тем не менее Тед умудрился всадить пулю Блейну точно посреди лба. Звук выстрела взорвал тишину. «А ведь эту пулю я готовил для себя», – подумал Тед, глядя на оседающее, как брошенная марионетка, тело Блейна.

Достав из кармана фотографию Аманды Эрдман, Тед положил ее на грудь Блейна и замер, не в силах отвести от него глаз. Блейн умер не сразу: он несколько раз дернулся и наконец застыл.

Шум в гостиной заставил Теда насторожиться. Хотя он и не был уверен, что действительно что-то слышал, но на всякий случай спрятал браунинг и поднял с пола нож. Прошел по коридору до перил и осторожно наклонился, чтобы сверху осмотреть всю гостиную. То, что он увидел, показалось таким странным, что тут же пропало желание прятаться. В центре гостиной стоял худощавый чернокожий в серых брюках и белом халате. Он смотрел на Теда так, как будто заранее ждал его появления. И нагло улыбался.

– Салют, Тед, – пророкотал он басом и приветственно помахал розовой ладонью.

То, что незнакомец знал его имя, не особо удивило Теда. Похоже, это в последнее время стало обычным делом для незнакомцев.

Тед спустился по лестнице, не сводя взгляда с этого типа.

– Вы работаете на них? – спросил он, спустившись, и облокотился о перила, держа браунинг в кармане. Почему-то ему показалось, что этот человек не опасен.

Снаружи не слышно было никакого движения. Хотя полиция, конечно, еще не успела бы приехать. Магнус наконец почувствовал, что в доме чужие: он снова время от времени поскуливал. Понимал ли он, что его хозяин мертв? Мог ли учуять

кровь на таком расстоянии? Вполне возможно. С явным усилием пес коротко загавкал.

– Кто вы, черт побери?

Незнакомец улыбнулся:

– Я Роджер, Тед.

– Какой еще Роджер? Просто Роджер? Другой хоть по фамилии назвался. – Тед потер лоб тыльной стороной свободной ладони. – Слушайте, не знаю, что вы здесь делаете, но полиция явится с минуты на минуту. Там наверху труп, а снаружи не вполне вменяемый ротвейлер. Лично я сматываюсь.

Улыбка Роджера стала чуть ли не отеческой.

– Вы что, не расслышали? – упорствовал Тед.

– Почему бы нам не побеседовать вон в той комнате?

Тед глянул на него растерянно. Что этот тип здесь делает? Для чего этот идиотский контроль?

– Вы с ума сошли? Или не слышали выстрела?

– Это был Блейн, не так ли? – проговорил тип, будто читая с экрана сообщение компьютерной программы.

– Да. Кто ж еще?

– Ты его застрелил?

Этот субъект должен был слышать выстрел. Тед не ответил.

– Повезло, что у тебя пистолет был с собой, – заключил Роджер.

– Стоит быть готовым... ко всяким неожиданностям.

Тед никак не мог понять, почему сразу не ушел. Было что-то в манере этого субъекта говорить... Что-то убаюкивающее.

– И перчатки надел, – произнес Роджер, указывая на руки Теда. – Нож и пистолет на всякий случай. А псу подсыпал снотворного?

Роджер кивал восхищенно и одобрительно.

– А что, по-вашему, я и его должен был убить? – возмутился Тед.

– И в этот раз ты оставил на трупе фотографию?

В этот раз?

– Да, – смиренно ответил Тед. Что толку гадать, следил ли за ним этот тип или у него был магический кристалл. – Если вы не против, мистер Роджер, я пойду. Не возражаете? Я бы на вашем месте последовал моему примеру.

Тед направился к двери. Но нечто необычное привлекло его внимание. Через маленькое окошко он заметил, как какой-то человек выбегает из сада и несется во всю прыть к машине. Тут он попал под свет фонаря, и стала отчетливо видна полосатая футболка. Это был Линч.

Машина тут же рванула с места.

К чему этот тщательный контроль?

Тед молча обернулся к Роджеру, всем своим видом требуя объяснений. Чернокожий пожал плечами.

Опоссуму вздумалось грызть ампутированную конечность не где-нибудь, а на садовом столике. Он так трясся от удовольствия, что лампочка над террасой среагировала на его движение. В конусе света отвратительная сцена была ясно видна из дома.

Тед стоял за стеклянной дверью. Он с изумлением наблюдал, как опоссум вонзает остроконечные зубы в мертвую плоть, равнодушно уставившись в пространство своими кукольными глазами. Как он рвет розовую кожу Холли. Тед абсолютно точно знал, что это нога его жены. Пальцы – распухшие кровавые вишни, неровная линия разреза ниже колена, растрепанный клубок сосудов и связок, обломок кости. Но он все равно знал. Ему не требовались для опознания ни родинка, ни особый шрам. Он столько раз ласкал, целовал эту ногу, столько раз обувал ее, что узнал бы где и когда угодно, даже во сне. Этот ублюдок опоссум жевал ногу Холли! Тед стукнул по стеклу ладонью. Опоссум на мгновение обернулся, глянул на фигуру за стеклом, но, похоже, не счел ее опасной. Лиловая полоса вокруг его пасти напоминала гротескный макияж. Удовлетворив любопытство, опоссум снова принялся за ногу. Тед опять ударил по стеклу, на этот раз зверь никак не прореагировал.

И тут послышался плеск волн. Атлантический океан был в нескольких километрах от дома, но это не имело значения. Тед протянул руку и щелкнул выключателем, зажигая фонари в глубине сада. Стало видно, что море и в самом деле подступило к самому дому. Поросший деревьями пологий склон, которым он любовался каждое утро, читая бизнес-раздел газеты, исчез, и на его месте редела и хохотала пенистая водяная масса. На поросшем геранью песчаном берегу неподвижно, будто восковая фигура, стояла Холли. Опоссум выгрыз ей довольно большой кусок икры, оставив на виду закругленный конец гладкой кости. На Холли было красное бикини, которое Тед любил больше всего, руки она раскинула в стороны и сама наклонилась немного влево. Волосы распластались горизонтально, словно их поддерживали невидимые руки. На лице было написано ликование, хотя на месте одной ноги маячило нечто призрачное.

Тед отворил стеклянную дверь. Опоссум отступил к дальнему краю стола. Теперь, похоже, присутствие Теда начало его беспокоить, однако не настолько, чтобы бросить пищу. Он присел и оскалил зубы, готовый в случае чего убежать. Тед сделал резкое движение – никакого толку. Тогда он начал искать вокруг, чем можно запустить в зверя. Рядом с мангалом валялась деревянная коробка, которую он сразу же узнал, и, хотя с детства ее не видел, его совсем не удивило,

что она оказалась здесь, в доме, где он поселился взрослым. Тед подошел и взял ее бережно, словно реликвию. В каком-то смысле она и была реликвией. Черные и белые квадраты были нарисованы на крышке и на дне коробки, так что, когда ее открывали, получалась нормальная шахматная доска. Внутри для каждой фигуры было особое углубление, оклеенное зеленым бархатом. Тед взял слона и с размаху швырнул его. Но промазал. Как он умудрился не попасть в вонючего зверька всего с двух метров? Тед взял другую фигуру и сделал вторую попытку. На этот раз бросок получился гораздо сильнее, чем нужно. И снова промах. Что-то было будто бы не так, странно как-то. Снаряды чертили в воздухе немыслимые кривые, казалось, с единственной целью: обогнуть в полете опоссума за миг до столкновения. Но Тед не сдавался. Он все метал и метал фигуры одну за другой, как одержимый. Опоссум, должно быть, понял, что фундаментальные устои физики сдвинулись в его пользу: он тяжело переполз обратно на середину стола и продолжил трапезу. Толстый белый хвост змеей извивался позади пушистого тела. Тед сделал около сотни бросков – и все впустую, – когда наконец отчаялся и выпустил из рук коробку. Она упала у его ног, и он, опустив глаза, увидел, что все фигуры на месте.

Тед перевел взгляд на Холли. Хотелось сказать ей, что, мол, очень жаль, но он сделал все возможное, чтобы вернуть ей ногу. Однако что же он за муж, если не в состоянии удовлетворить нужды собственной семьи? От стыда и досады он чуть не плакал, но тут до него дошло, что есть еще один выход. И как же он раньше не додумался! Правая рука начала тяжелеть, и он почувствовал, что сжимает рукоятку браунинга. Поднес пистолет к глазам и зачарованно уставился на него. Медленным, поэтически размеренным жестом, держа пистолет в обеих руках, он прицелился в опоссума, упиваясь последними мгновениями перед выстрелом. Зверь поднял голову, будто чуя близкий конец. Пуля попала ему прямо в хребтину, и он взорвался, как воздушный шарик, начиненный кровью и потрохами. Тед отбросил пистолет и пошел к столу, не сводя глаз с ноги Холли. Взял ее двумя руками, как держал бы хирург предназначенный для трансплантации орган. Теперь, когда можно было рассмотреть ногу вблизи, Тед заметил, что из обрезанного конца ее, как он и предполагал, торчит болт с резьбой. Все будет хорошо, подумал он. Надо только подойти к Холли, привинтить ногу на место, и он снова хороший муж.

Тед сошел по двум ступенькам террасы и поднял глаза. Холли была все там же, но теперь между ним и ею в воздухе витала огромная блестящая желтая рамка. Нижняя часть рамки была сантиметрах в пятидесяти над землей, и Тед понимал, что может легко перебраться через нее, но все же остановился на секунду, прежде чем это сделать. Море волновалось метрах в десяти, за спиной у Холли,

обнять ее и вернуть ей ногу хотелось нестерпимо. Он поднял собственную ногу и перешагнул нижнюю перекладину рамки. На мгновение мелькнула нелепая мысль, что он не сможет этого сделать, но у него получилось. Он знал, что главное – не задеть ее, тогда все будет в порядке. Преодолев первую рамку, он увидел перед собой другую, на этот раз зеленую, и повторил операцию. Поднял глаза и опять увидел, что Холли в той же позе в десяти метрах ждет его, а между ними новая рамка, красная, и еще одна, фиолетовая. Тед перешагивал их уже не глядя, почти автоматически, не сводя глаз с Холли, еще одна, желтая, теперь голубая, «я иду, любимая», десять метров, черная как ночь рамка, «Холли»... Тед уже не шел, а бежал, скача через рамки, одна за другой возникавшие на его пути, как чемпион по бегу с препятствиями, не останавливаясь, Холли, не останавливаясь, Холли...

Последняя рамка проглотила его, и он с криком очнулся где-то совсем в другом месте.

На диване.

Тед вскочил. В испуге схватился за ногу. На месте. Неужели ему приснилось, что у него нет ноги? Сон постепенно выветривался. Он уставился в темноту, потом заметил на себе помятую майку и неудобные джинсы. Встал и, сам не зная зачем, подошел к застекленной двери, что выходила на боковую сторону дома. Там он стоял довольно долго, разглядывая холм, очертания которого таяли в ночи. Он прислонился к стеклу, снаружи сработали датчики движения, и над столом и стульями зажегся свет. Теду привиделась жуткая картина: отрезанная женская нога. Может, во сне у Холли не было ноги? Он улыбнулся и постарался запомнить это, чтобы обсудить с нею вечером. Спросил себя, который час. Наверняка еще нет семи, ведь не рассвело, подумал он. Машинально взглянул на запястье, но часов не было.

И тут память как стрела пронзила милосердную завесу забвения, которую пытался задернуть рассудок. Тед бросил быстрый взгляд на основание мангала. Коробки с шахматами там уже не было, но помнил он ее даже слишком отчетливо. Хотя только что ему привиделся кошмарный сон, в котором у Холли не было ноги, именно от мысли о коробке с шахматами в жилах застыла кровь.

Раз уход в мир иной откладывался, стоило продолжать жить, как ни в чем не бывало следовать повседневной рутине, которая включала и очередной визит к психотерапевту Лоре Хилл. И это в каком-то смысле даже радовало: с нею у него сложились прекрасные отношения. То, что поначалу казалось обязаловкой, предписанием лечащего врача, превратилось со временем чуть ли не в удовольствие. Сам он никогда не обратился бы к психотерапевту, если бы на этом не настоял Кармайкл, но врачу удалось уговорить его. «Когда узнаешь о себе такое, приходится учиться держать себя в руках», – вот его точные слова. Тед перевел их так: Человек с неоперабельной опухолью рано или поздно задумается о том, чтобы вышибить себе мозги. И в этом доктор Кармайкл не ошибался.

Строго говоря, опухоль не была неоперабельной, ее можно было удалить с такой же вероятностью, как попасть баскетбольным мячом в корзину с тридцати метров. Доктор Кармайкл не воспользовался этой метафорой: ему важно было, чтобы пациент не терял надежды, однако Тед, по натуре аналитик и прагматик, быстро расставил в уме все по полочкам. Решать, разумеется, предстояло ему, он мог рискнуть и согласиться на операцию, ожидая чуда, или оставить все как есть. Долго раздумывать не пришлось. Решение было из тех, что он принял заранее, задолго до того, как начались головные боли или стали известны результаты обследования, о которых Кармайкл сообщил ему особым тоном, тем, которым сообщают только самые обескураживающие новости. Возможно, решил все Тед еще несколько десятков лет назад, увидев, как в финале фильма «Пролетая над гнездом кукушки» Джек мотает головой, будто марионетка, оставшаяся без хозяина, а может, и в другой раз, какая разница когда. Последние месяцы он проживет достойно. И если и согласился на первый сеанс с доктором Хилл, то только для того, чтобы Кармайкл верил: все идет так, как задумано. Оно и шло как задумано, но не лечащим врачом, а Тедом, ибо Кармайкл был из тех медиков, что растягивают жизнь пациента до самого последнего мгновения. И не важно, с тридцати, или со ста, или с тысячи метров приходится кидать мяч в корзину.

На вид Лоре Хилл было чуть больше двадцати. Увидев ее впервые, Тед проникся жалостью к девчужке, скорее всего делающей первые шаги в профессии, в больших очках в прямоугольной оправе и с собранными на затылке волосами, сдержанной и обходительной. Как будто играет в психотерапевта, подумал Тед, которому еще предстояло удивиться, что на самом деле ей перевалило за тридцать. Сколько ей точно лет, он не знал: она не признавалась.

В ту первую встречу ей удалось обезоружить его очарованием юности, невинным видом и искренностью. Теда соблазнила перспектива обходить ловушки, которые расставляла Лора на каждом сеансе, ведь с нею – как и с Кармайклом – он не собирался обсуждать планы самоубийства, занимавшие все его мысли.

– Здравствуй, Тед, – сказала Лора. – Выходит, морское путешествие с компаньоном так и не состоялось.

– Выходит так. Спасибо, что согласилась меня принять.

– Жаль, что рыбалка сорвалась. – Медные волосы Лоры были собраны в пучок. – Как ты себя чувствуешь?

Вчера я убил человека. Пришел к нему домой, дождался его, закрывшись в шкафу, а потом прикончил. И никто на свете о нем не пожалеет.

Он попробовал эти фразы на вкус. Представил, как изменилось бы лицо Лоры Хилл, если бы он сказал нечто подобное. По правде говоря, он сам не свyksя еще с мыслью о том, что способен убить человека, да еще и не без удовольствия.

– Вчера мне опять приснился кошмар, – сказал Тед. О кошмарах он рассказывал часто, потому что не видел в них никакого смысла, к тому же эти рассказы помогали увести разговор в сторону от того, что могло бы его выдать. – На этот раз показывали что-то новенькое.

У единственного окна стоял письменный стол, за который во время сеансов Лора почти никогда не садилась. На этот раз она расположилась в кресле напротив Теда. Между ними стоял журнальный столик, совершенно пустой, если не считать пластикового стакана с водой. Тед никогда не пил из него.

– Расскажи мне сон.

– Я был у себя дома в гостиной, смотрел сквозь стекло на веранду. На столе сидел опоссум и жрал ногу Холли. Холли там не было, только нога, но я знал, что это нога Холли. Я тут же вышел и стал искать, чем бы запустить в опоссума, чем бы его спугнуть. И вот тогда увидел на полу коробку, которую тут же узнал. Это были мои шахматы.

Если бы психолог имела привычку делать во время сеанса пометки в блокноте, сейчас ее рука непременно потянулась бы к карандашу, настолько серьезным и значительным тоном произнес Тед эту фразу. Но Лора никогда не делала записей, у нее была феноменальная память.

– Я начал швырять фигуры в зверя, но так и не попал, – продолжил Тед, – он как-то непонятно от них уворачивался, а фигуры никак не кончались. Тогда я заметил Холли в саду, и, кажется, позади нее было море. Правда ведь забавно: чего только человек во сне не выдумает?

Тед не упомянул о том, как он разнес опоссума в клочья выстрелом из браунинга. Ведь точно так же, не вмешайся Линч, он чуть не распорядился собственным черепом. Подробности вроде этой лучше оставлять при себе.

– Ты не убил опоссума? – спросила Лора, в который раз демонстрируя фантастическую интуицию.

– Нет.

Она кивнула.

– Когда ты в последний раз видел во сне что-то связанное с шахматами?

– Никогда.

Она задумалась, подыскивая слова.

– Тед, нам надо поговорить о том, что случилось в те годы. Ты должен объяснить мне, почему мальчик с выдающимися способностями к шахматам вдруг резко их бросает. Ты так и не вернулся к игре?

– Нет, всерьез никогда. Я научил дочек и сыграл с ними несколько партий, но теперь они справляются без меня.

– Скажи, почему же ты бросил?

Лора поднимала эту тему не впервые. На прошлых сеансах в подобных случаях Тед оказывал слабое сопротивление, и она отступалась. Но в принципе его не так уж пугал разговор о тех временах. Он поудобнее устроился в кресле и начал рассказ:

– Играть меня научил отец. В семь лет я уже обыгрывал его запросто. Тогда он отвез меня в свой родной город Виндзор-Локс к одному старику, который в прошлом славился как отличный шахматист. – Тед помолчал. Воспоминание о наставнике, возможно единственном в жизни взрослом, которым он восхищался и которого уважал, отозвалось в нем грустью и болью. – Его фамилия была Миллер. По-моему, я о нем уже как-то упоминал. Когда я впервые увидел его, он показался мне древним стариком: волосы с проседью, длинные, ниже ушей, лицо все в морщинах. В тот раз мы мало говорили. Просто сели за шахматный столик, который стоял у него в гараже (он там давал уроки местным мальчишкам), и стали играть, а отец наблюдал за нами. Мы сделали не больше двадцати ходов, как вдруг Миллер встал, отвел моего отца в сторону, и они о чем-то заговорили. Я сидел и ждал. Думал, Миллер скажет, что я ни на что не гожусь, мы вернемся домой, и все на этом кончится. Однако следующие восемь лет, до того, как мне исполнилось пятнадцать, я ездил к нему по два-три раза в неделю.

– Это с ним вы завели ритуал с подковой?

Тед не помнил, чтобы говорил хоть слово о подкове. Еще одно тревожное напоминание об архиве немыслимых размеров, хранящемся в голове у психотерапевта.

– Да. Миллер стал моим тренером. Мы часами разбирали варианты на нескольких досках одновременно.

Лора сморщила губы.

– Боюсь, моих познаний в шахматах явно недостаточно.

– Есть множество дебютов (это первые 10–15 ходов каждой партии), некоторые из них названы именами шахматистов, благодаря которым стали популярны. Есть также варианты, то есть различные продолжения этих дебютов. Скажем так: есть главная дорога и несколько ответвлений. Каждый дебют и вариант изучен и теперь используется для подготовки шахматистов. Шахматы – не

только логическая игра. В них огромную роль играет память. С Миллером мы воссоздавали известные партии, разбирая каждый ход. Не забывай, что я был ребенком, и, хотя обожал шахматы, на месте мне не сиделось. Миллеру приходилось выдумывать, чем меня увлечь. Он рассказывал о шахматистах, о знаменитых партиях. Так я узнал от него о третьем матче на звание чемпиона мира, который прошел в Буэнос-Айресе в 1927 году. Кубинец Рауль Капабланка играл с русским Александром Алехиным. Миллер был буквально очарован этими партиями и заразил своим восторгом меня. Капабланка, чемпион, считался непобедимым, он был гением, совершившим революцию в шахматах. Алехин, претендент, скрупулезный, вдумчивый, по мнению многих едва ли мог рассчитывать на победу. Я не слишком размазываю?

– Нисколько. Мне нравится наблюдать, как тот юношеский энтузиазм вдохновляет тебя сегодня. Продолжай. Я хочу узнать, чем кончился поединок гения с методичным профессионалом. Признаться, в первый раз об этом слышу. Выходит, я полная невежда?

Тед засмеялся:

– Ну что ты! Мы ведь говорим о шахматах, к тому же дело было аж в 1927 году. Тогда, кстати, еще не существовало четких правил борьбы за мировое первенство. Соперники договорились, что первый, кто выиграет шесть партий, станет чемпионом. Но в шахматах часто случается ничья, так что до шести побед им предстояло сыграть очень много партий. В результате их оказалось тридцать четыре. Они играли три дня подряд!

– И кто же победил?

– Ко всеобщему удивлению, Алехин, претендент. Отношения между двумя шахматистами всегда были натянутыми, а тут и вовсе испортились. Алехин никогда больше не соглашался играть с Капабланкой за звание чемпиона и через десять лет умер. Результат матча удивил всех, и вот тут-то на сцене появляется знаменитая подкова. Говорят, едва приехав в Буэнос-Айрес, Алехин нашел на улице подкову. Он был очень суеверен и знал, что подкова – к удаче. Так он сказал жене, которая приехала на чемпионат с ним вместе, и решил сохранить находку как амулет на счастье. Купил газету и аккуратно завернул подкову. Жене сказал: «Она тут меня дожидалась».

Глаза Теда затуманились. Он невольно увлекся собственным рассказом. Историю эту он слышал от Миллера тысячу раз. Наставник добавлял все новые подробности. У него был даже альбом с вырезками из аргентинских газет того времени, каждую из которых он снабдил переводом, записав его своим мелким каллиграфическим почерком.

– У Миллера на стене в гараже висела подкова, – проговорил Тед, устремив взгляд в пространство, как будто в самом деле видел ее в этот миг. – Он говорил, что подкова – та самая, которую Алехин нашел в Буэнос-Айресе, и что он приобрел ее на каком-то аукционе. Когда я начал ездить на крупные соревнования, мы каждый раз снимали подкову со стены, заворачивали в газету и брали с собой. Отвозил нас на турниры отец на своей машине, но даже он не знал, что мы везем подкову. Это был наш с Миллером секрет, только наш и больше ничей. На соревнованиях я выступал довольно удачно. Возвратившись, мы вешали подкову на место, такой у нас был ритуал.

– Ты говоришь о Миллере с гордостью. Видимо, он был для тебя очень важным человеком.

– Еще бы. Все те годы отец возил меня к нему домой на машине, а это примерно час езды. Я проводил с Миллером три часа, и они пролетали, как одно мгновение. Отец мой был коммивояжером, так что он в это время чем-то торговал в окрестностях. Дома не все было благополучно: психическое расстройство матери обострялось, они с отцом постоянно ссорились, и это становилось невыносимым. Виндзор-Локс оказался для меня во всех смыслах отдушиной.

– И что же случилось в конце концов с Миллером?

– Когда мы познакомились, ему было лет семьдесят или около того. То есть через восемь лет дело шло уже к восьмидесяти. Мне было пятнадцать, и шахматы оказались единственным средством, способным умирить мой буйный нрав. За воротами гаража Миллера я был импульсивным и дерзким подростком. Не знаю, как долго это могло продолжаться, ведь, по сути, во мне невероятным образом уживались два разных человека. Я был юным бунтарем, ненавидевшим родителей (я тогда практически не разговаривал с отцом, плохо учился в школе, всем дерзил и перечил), но в то же время оставался тем самым мальчиком, которому так нравилось проводить вечера с Миллером, слушать его истории, разбирать шахматные партии.

Тед замолчал. Даже с Холли он столько не разговаривал о Миллере и тем более не раскрывал того, о чем сейчас собирался рассказать. Он непроизвольно сглотнул.

– В день смерти Миллера я был у него. Раз или два в месяц мы играли друг с другом, это постепенно стало у нас традицией. Была как раз его очередь ходить. Обдумывая ход, он всегда сидел в одной и той же позе: опираясь локтями о стол и подпирая ладонями подбородок. А я держал обычно руки под столом и немного наклонялся вперед. Так мы и сидели, как вдруг Миллер рухнул прямо на доску. Руки его подломились, и голова упала, как стальной шар. Фигуры разлетелись во все стороны. Меня охватил ужас. Жена Миллера давно умерла, сын время от времени навещал его, но в тот день мы были в доме одни. Я настолько перепугался, что мне даже не пришло в голову подойти к нему, потрясти, попытаться привести в чувство, разобраться, что с ним. Знаю, что это ничего бы не изменило: Миллер умер мгновенно от внезапного приступа. Меня будто парализовало, я долго стоял у стола, тяжело дыша... В конце концов я выскочил из гаража, чтобы позвать на помощь. Я мог бы побежать в любой соседний дом, но непонятно, с какой стати решил, что должен найти отца. На шоссе его «мустанга» не было, так что я помчался куда глаза глядят. На перекрестке свернул куда попало, но совершенно случайно оказалось, что его машина припаркована метрах в двухстах у какого-то дома. Должно быть, отец продавал хозяевам свои энциклопедии, или записывал их на заочные курсы, или что он там еще делал... Ты уже догадалась, что было дальше, Лора?

– Думаю, да.

– Войдя в дом, я понял, что отец возил меня все эти годы к Миллеру не для того, чтобы я совершенствовался в шахматной игре, и даже не для того, чтобы сбежать от матери. Или по крайней мере не только для этого. Хозяйка дома была его первой любовью. Отец позднее пытался мне это объяснить.

– Что ты там увидел, Тед?

– Они были в спальне. Я их не видел. Но слышал. Я молча сидел в гостиной напротив выключенного телевизора. Слышал, как они смеются. Думал о Миллере, о том, как он валяется у себя в гараже, и мне пришла в голову ужасная мысль. Отчетливо помню ее до сих пор. Я пожелал, чтобы он действительно умер. Потому что, даже если он оказался бы жив, я все равно не смог бы никогда

вернуться в этот городок. И виноват был мой отец. В этот миг я хотел только одного: ненавидеть его.

Тед и Лора одновременно вздрогнули от телефонного звонка. Ни разу до этого сеанс Лоры никто не прерывал.

– Извини, Тед, на этот звонок я должна ответить.

Она встала и подошла к письменному столу.

Тед кивнул.

Лора подняла трубку. На мгновение Теду показалось, что лицо ее напряглось, но сразу же расслабилось, и она улыбнулась.

– Да, конечно. Конечно, можешь. Разрешаю.

Она повесила трубку.

– Мой сын – бойскаут, – объяснила она Теду. – Забыл взять у меня письменное разрешение на поход, спасибо хоть догадался позвонить.

Лора снова села в кресло.

– Прости, что пришлось прерваться, Тед, – снова извинилась она.

– Ничего страшного. Ведь больше и сказать почти что нечего. Я с тех пор никогда не говорил об этом случае с отцом. Он по-прежнему удирал из дому так часто, как мог, а я оставался, ненавидел его и нянчился с матерью. Они развелись, а я навсегда бросил шахматы.

Тед опустился на колени за кустами. Только что ему пришлось пройти километр с лишним по лесу, полному комаров. Он тряхнул головой и попытался сосредоточиться на том, что происходило по ту сторону кустарника.

Там кто-то мелодично насвистывал, соревнуясь с пением птиц. Тед увидел озеро, а в нем лодку, в которой Уэнделл хладнокровно дожидался желанной участи. В руках у него была удочка, на лице – покой.

Тед прихлопнул комара и отвернулся от озера, чтобы изучить окрестность. И вдруг – яркий блеск в солнечном луче, пробившем хвою сосен: подкова. Она лежала всего в паре метров, и Тед даже не стал подниматься на ноги, чтобы взять ее: просто подполз и схватил обеими руками, пораженный ее несомненным сходством с той, что висела на стене у Миллера (в глубине души он был уверен, что это именно подкова Миллера и есть).

Откуда она здесь взялась? Он долго ее рассматривал, потом засунул в карман брюк.

Тропинка за кустарником вела к даче Уэнделла, современному сооружению из бетонных блоков с огромными окнами. Сбоку была пристроена деревянная эспланада, которая тянулась к озеру и оканчивалась небольшой пристанью. Тед взвесил варианты. Закончив рыбалку, Уэнделл, наверное, причалит здесь и пройдет по эспланаде к дому. Разумнее всего было ждать его внутри. По крайней мере, там комары не заедят. Он сделал молниеносное движение рукой и с довольным видом уставился на свой сжатый кулак. Разжав его, однако, ничего не обнаружил.

По дороге к дому Уэнделла никто не остановил Теда и не предупредил, что он находится в частных владениях. Чем ближе Тед подходил к сооружению из бетона, тем как будто массивнее оно становилось. Машина, припаркованная перед домом, оказалась двухместным «ламборгини» со съёмным верхом. Тед не мог удержаться, чтобы не подойти и не рассмотреть ее как следует. О такой машине он всегда мечтал; Уэнделл нравился ему все больше. Когда Тед наклонился, чтобы заглянуть внутрь, пиджак распахнулся под тяжестью браунинга и напомнил о том серьезном деле, которое вот-вот предстояло совершить. Он запахнул пиджак, не застегивая его – жара стояла невыносимая, но с оружием под рукой было спокойнее, – и выпрямился как раз в тот момент, когда в окошке машины мелькнул какой-то блик. Сначала Тед подумал, что зажегся огонек на приборной доске автомобиля, но, слегка изменив позу, понял,

что свет падает на стекло снаружи. Обернувшись, он заметил частично скрытый за деревьями фонарный столб. На самой его верхушке была закреплена видеокамера, направленная точно на то место, на котором сейчас стоял Тед. Красная лампочка то загоралась, то гасла. У Теда мороз пробежал по коже. В папке Линча с описанием дома не было ни слова об охранной системе, да и сам Линч о ней ничего не говорил. Вряд ли такая деталь могла ускользнуть от их внимания.

Глядя на мигающий красный огонек, Тед гадал, сидит ли кто-нибудь на том конце провода или это замкнутая система, то есть изображение автоматически записывается где-то внутри дома. Если так, то понятно, почему Линч не считал необходимым это комментировать. Они с коллегами, конечно же, позаботятся о том, чтобы запись была стерта. С некоторым облегчением он отвернулся от камеры и подошел к двери, которая, разумеется, была открыта. Квадратный ковер, скорее всего привезенный из Индии, манил сделать первые несколько шагов. Внутри все было так, как он и представлял: простор, террасы и перепады уровня, везде преобладает белый цвет, металлические перила, стекло, будто это вестибюль здания крупной корпорации, а не дача, где проводят выходные. Было несколько лестниц с гладкими деревянными ступенями, будто парящими в воздухе, и несколько тонких круглых колонн. Тед медленно зашагал направо к большому столу из темного стекла, за которым, казалось, никто никогда не сидел. Он сразу сообразил, что ждать Уэнделла лучше всего около арки, которая, скорее всего, вела на кухню.

Туда он и направился, как вдруг его пронзило ощущение, которое не спутаешь ни с чем: чувство, что за ним наблюдают. Он остановился и оглянулся по сторонам. В доме камер не было видно, но они наверняка где-то прятались. В другом конце помещения на стене висел огромный телевизор и рядом стояло два кожаных кресла. Там же был камин, а на нем несколько фотографий. Тед продолжал недоверчиво разглядывать обстановку. Когда ощущение слежки ослабло, он снова направился к арке, но полностью избавиться от неприятного чувства не удалось. Что-то было не так. Но что?

Вынося за скобки тот факт, что он вот-вот убьет человека.

Да.

Он помотал головой.

Еще одного человека.

Войдя на кухню, он тут же достал браунинг из кармана пиджака и, почувствовав его тяжесть, немного успокоился. Тут было огромное окно с видом на озеро, так что можно было заметить заранее, что Уэнделл возвращается. Тед подошел к окну и стал смотреть на воду подальше от пристани. Казалось, он смотрит на то же самое место, где недавно видел лодку, но сейчас и следа ее не было. Он забеспокоился, попытался разглядеть ее за шеренгой деревьев, но и там ничего не увидел. Зато услышал жужжание мотора. Уэнделл возвращался.

Тед заходил туда-сюда, постукивая рукояткой браунинга себе по лбу. Сколько у него времени? Наверняка мало. Хотя чем быстрее отделаешься, тем, казалось бы, лучше, приближение рокового мига вызвало ощущения, которые не удавалось игнорировать. Он уже не чувствовал прежней уверенности. А если Уэнделл его не ждет? А если и тут, как и с камерами наблюдения, все окажется не так, как говорил Линч? Он остановился и быстро прицелился в календарь, висящий на стене, прямо в фотографию аквалангиста, исследующего коралловый риф. Потом – в цифру пятнадцать в самом центре. Ну, смелее. Дуло ходило ходуном, даже когда он придержал левой рукой правую.

– Давай, – пробормотал он.

Рокот мотора становился все громче. Уэнделл вот-вот причалит и пойдет по эспланаде к дому, а значит, сможет увидеть его через окно кухни. Но Тед решил успокоиться и не двигаться с места, пока полностью не придет в себя. Пот, который было высох под кондиционерами, когда Тед вошел в дом, снова увлажнил лоб и ладони. Он пошевелил пальцами, примериваясь, чтобы удобнее было стрелять, как он каждый раз делал в тире. Закрыв глаза.

Уэнделлу эта пуля нужна так же, как и тебе.

Тед открыл глаза и отошел от окна. Он шел к арке, слыша, как, одышливо потрескивая, стихает мотор. У Уэнделла две минуты, чтобы дойти до входной двери. Тед убедился, что пистолет снят с предохранителя. Как только Уэнделл закроет за собой дверь, Тед выйдет из кухни, сделает два-три шага вперед, чтобы вернее попасть, и выстрелит. Если Уэнделл закричит, что, мол, не надо, Тед стрелять не станет.

– Ну же, Уэнделл, открывай дверь, – прошептал Тед.

Прошло не меньше минуты, и только тогда Тед услышал шаги по деревянному настилу.

Ну же, Уэнделл...

Дверь захлопнулась.

Три, два, один.

Тед выскочил из-под арки, обогнул стол и поднял оружие.

Уэнделл, стоя спиной, вешал что-то на вешалку. Услышав шаги, он обернулся. Выражение его лица изменилось, возможно от удивления, но он не сказал ни слова. Идеальный кружок появился у него на лбу, и он рухнул.

Тед так привык стрелять в наушниках, что громкий звук выстрела заставил его с силой сжать зубы. Он медленно подошел к телу. Уэнделл лежал на ковре, раскинув руки с застывшим на лице удивлением. И при этом вид у него был такой, будто он повалился в траву отдохнуть. Однако Тед знал, что выстрел был идеальный, и пуля разворотила Уэнделлу мозги так, что он почти не почувствовал боли.

Тед уже было собрался уходить, когда в кармане Уэнделла запищал телефон. У Теда на его собственном мобильнике была установлена та же мерзкая мелодия, так что ему стало немного не по себе. Он наклонился и достал айфон из нагрудного кармана. На экране засветилось имя: Лолли, и Тед чуть не вскрикнул от ужаса. Этим прозвищем он называл Холли в начале их романа. Слишком значительное совпадение, но не это было главным. Главным было то, что, по словам Линча, у Уэнделла не имелось ни жены, ни подружки... Линч уверял, что у этого субъекта нет никого!

Мобильник замолчал.

Кто такая эта Лолли? Почему Линч ни слова о ней не сказал?

Ответ пришел, как по заказу. Тед почувствовал, как телефон в руке завибрировал. Это была эсэмэска от Лолли:

Мы уже подъезжаем. Завязывай на сегодня с рыбалкой ?

Мы?

Тед выронил мобильник, как будто его ударило током. Телефон упал на грудь Уэнделла.

– Кто такая Лолли? Думай. Думай. Думай.

И тут он понял, или ему показалось, что понял. Уф, какое облегчение.

Уэнделл собирался устроить интимную вечеринку, и гости должны были явиться с минуты на минуту. Недолго думая, Тед поднял телефон и ответил на сообщение:

Визит отменяется. Я занят. Извини.

Пришла новая эсэмэска:

Шутник. Ты знаешь, как я не люблю чатиться за рулем. Через две минуты будем, зайчик.

Зайчик...

Выходит, у Уэнделла таки была подружка. Вряд ли эту деталь Линч мог посчитать не стоящей упоминания.

Кровавое пятно на ковре расплылось красным нимбом вокруг головы Уэнделла.

– Черт!

Лолли написала, что будет через две минуты.

Лолли Холли

Тед сунул мобильник Уэнделла к себе в карман и браунинг туда же. Как ни крути, надо поторопиться. Спрятать тело, чтобы выиграть время до того, как женщина сообщит в полицию, и сматываться чем скорее, тем лучше. Если это удастся, для него лично мало что изменится. Но злило то, что ему не сообщили заранее о подружке, хотя, возможно, именно по этой причине Линч о ней и умолчал. Надо было прежде всего иметь в виду, что это сам Уэнделл хотел умереть, как и Тед. Однако Уэнделл без сомнения подумал о потрясении, которое ждет его близких, как и Тед взвесил то, как его исчезновение отразится на...

Лолли Холли

Хватит! Надо сосредоточиться на том, как избавиться от тела. В доме его прятать или снаружи? Трудная задача, если учесть, что он не знал, сколько у него времени. Он оглянулся, будто ища ответа в воздухе. И вдруг замер, как будто спиной почувствовал дуло пистолета, хотя, разумеется, в доме, кроме него, никого не было.

Он наконец понял, что было не так. Он упустил деталь, которая противоречила информации, полученной им о человеке, который сейчас валялся мертвый у его ног. На камине в другом конце огромного зала стояли фотографии. Он со всех ног бросился туда, огибая стулья и прыгая по ступеням всяких помостов, которых тут было полно. Не добежав метра четыре, он остановился. Видеть все подробности ему не хотелось. Уэнделл с женщиной сидят обнявшись в лодке, Уэнделл верхом на лошади (Тед ощупал подкову в кармане). На других... две девочки, примерно ровесницы его собственным дочерям. Теду стало дурно, он ухватился за ближайшую колонну. Все вокруг стремительно завертелось.

Мы подъезжаем.

У Уэнделла были дочери? Линч – обманщик!

Тут послышался шум машины. Секунд десять Тед переводил взгляд с фотографий на тело Уэнделла, потом на входную дверь и снова на фотографии. Все еще не в силах двинуться и осознать, что с ним происходит. Потом вернулся к двери и, чуть приоткрыв ее, в щелочку глянул наружу. Семейный пикап медленно полз по грунтовой дорожке, ведущей к дому, пока не остановился позади «ламборгини». Все происходило слишком быстро. Ну, шевелись же! Но Тед не двинулся с места. Три дверцы пикапа раскрылись одновременно. Лолли появилась со стороны водителя. Из задних дверей вышли две малышки, одетые в платья в цветочек с розовыми рюкзаками за спиной. Они бежали к двери со всех ног. Папа! Мы приехали!

Тед протер глаза. Его рассудок, похоже, сыграл с ним злую шутку.

8

Когда Тед задумал лишить себя жизни – план, надо сказать, сложился в его уме с пугающей быстротой, – он понял, что надо найти кого-нибудь, кому более или менее доверяешь, чтобы с его помощью привести дела в порядок. Кого-нибудь, кто не принадлежал бы к кругу близких. Имя Артура Робишо почти сразу всплыло в памяти. Они не виделись целую вечность, и, хотя три года проучились в старших классах одной и той же школы, практически совсем не общались. Как раз то, что нужно. К тому же Тед знал, что адвокатская контора Робишо – одна из лучших в городе. Зайдя к нему, Тед понял, что их объединяло нечто более существенное, чем договор о конфиденциальности между адвокатом и клиентом. Возможно, речь шла о чем-то въевшемся в подсознание таких, как Робишо, ничем в школе не отличившихся, игнорируемых популярными одноклассниками, получавших, как милостыню, место в крошечных группках из двух-трех человек, а то и прозябавших в одиночестве и убедивших себя, что так и придется влачить жалкое существование, терпеливо снося насмешки и отчуждение. И не важно, что со временем все переменялось, что удалось сделать карьеру и ценой упорных усилий в тренажерном зале хоть отчасти согнать жирок... Ничто не могло отменить наиважнейшего факта: неудачники типа Робишо, словно подчиняясь невидимому механизму, склоняли голову перед Тедами Маккеями этого мира. И механизм этот, заключавшийся в жажде того, чтобы с тобой считались, в желании быть одним из, дремал до поры, как затаившийся вирус, чтобы проснуться и заставить пресмыкаться, как когда-то в

школьном дворе, ради секунды внимания.

Тед снова отправился к Робишо после инцидента в доме Уэнделла.

В дверях его встретил сам хозяин в стильном поло и с бокалом мартини в руке.

– Тед, так ты пришел!

За спиной адвоката в глубине гостиной несколько человек обернулись, чтобы взглянуть на вновь прибывшего. Кто-то из гостей стоял у барной стойки, другие сидели в креслах. В основном – семейные пары. У Теда напроць вылетело из головы, что у Робишо день рождения, а ведь в последние недели тот не раз об этом напоминал. Но стоило ли думать о мероприятии, которое состоится после твоей смерти?

– Мне надо поговорить с тобой, Артур. Наедине. Это важно.

Объяснять, что он здесь не ради праздника, не пришлось. Лицо его было более чем красноречиво.

– Ну конечно, проходи.

Тед на секунду замешкался. Гости уже поняли, что причина его появления иная, чем у них, и теперь молча ждали хоть намёка на то, что его привело в дом адвоката. Богато одетые, каждый с бокалом вина в руке, они, казалось, сошли с плаката, рекламирующего алкогольные напитки, и аж исходили снобизмом. Теду стало мерзко. Присмотревшись повнимательнее, он с удивлением обнаружил множество одноклассников из той самой старшей школы. Боже мой, прямо тебе встреча выпускников.

Он вошел, натянуто улыбаясь. Робишо следовал за ним, не в силах скрыть расправшей его гордости. В этот день ему стукнуло тридцать восемь, он был ровесником Теда, но голова его уже несколько лет как рассталась с остатками волос. Он был весьма упитан, слишком маленький подбородок маскировал бородкой, объединенной с усами, напоминающей по форме амбарный замок, а по фактуре – кучу ржавых железных опилок. На носу его уже не было тех очков, со стеклами, будто сделанными из донышек бутылок, как в школьные годы, но и

без них казалось, что он опять превратился в подростка, вззирающего на Теда с прежним обожанием и восхищением: сам Тед Маккей снизошел до него в день рождения!

После нескольких общих приветствий Тед вместе с Робишо прошел в кабинет в другом конце дома. По дороге Робишо представил ему супругу, которая, судя по тому, как она при этом разволновалась, без сомнения была наслышана о Теде. Тед рассеянно пожал ей руку, тут же забыв, как ее зовут.

– Что случилось, Тед? Я вижу, ты не в своей тарелке, – сказал адвокат.

Они уселись в кожаные кресла рядом со стеллажами, полными ценных книг. Кабинет был невелик, но обставлен довольно роскошно. Тед не отводил глаз от окна за спиной бывшего одноклассника. Оно выходило в сад, там носились туда-сюда какие-то дети. Ближе к дому на дереве болталась автомобильная покрышка, приспособленная под качели. Какой диссонанс с общим дизайном, Артур.

– Тед, ты здоров?

Он никак не мог отвести взгляд от покрышки. Неужели всего лишь потому, что она была здесь так некстати?

– Да. Но мне нужна твоя помощь.

Адвокат поудобнее устроился в кресле. На миг на его лице появилось то прежнее благодарное выражение.

– Всегда рад тебе помочь, Тед.

– Твои услуги нужны мне снова, но на этот раз речь не идет о завещании. Тут все сложнее. С этой минуты ты мой адвокат, и все, что будет сказано, подпадает под действие договора о конфиденциальности.

Робишо не встревожился, и это радовало. Приятнее иметь дело со взрослым адвокатом, чем с пугливым подростком.

– Слушаю тебя.

– Я только что убил человека.

Несколько секунд не было слышно ни звука, кроме гомона гостей, приглушенного дверью кабинета. Робишо непроизвольно поднес указательный палец к переносице. Но очков, которые срочно надо поправить, на ней не обнаружилось.

– Несчастный случай?

– Не совсем. Знаешь, Артур, я пока не готов излагать все подробности. Скажу только, что через двое суток все разъяснится.

Робишо нахмурился.

Тед явно терял адвоката: тот смотрел на него как на сумасшедшего. Тед наклонился вперед, и положил ладонь на колено собеседника. Робишо проследил за его жестом тем же ошарашенным взглядом.

– Артур, – сказал Тед, – я понимаю, что это звучит дико. Но прошу тебя мне поверить.

– Тед, я не смогу тебе ничем помочь, если ты не расскажешь, в чем дело.

Тед встряхнул головой. Шел он сюда, надеясь раскрыть как можно меньше, но теперь понял, что не сможет рассчитывать на помощь Робишо, если не выложит конкретных фактов. Насколько можно доверять ему? Оценивать риск не было времени. Ни на что, честно говоря, не было времени. С того момента, как он в панике бежал из дома Уэнделла, в мыслях его царил хаос. Он не мог не думать о дочерях того человека, о том, как они радостно топали к дверям, такие белобрысенькие, с розовыми рюкзачками за спиной. Хотя Тед выскочил через боковую дверь и не мог видеть того момента, когда они обнаружили бездыханное тело отца на ковре в прихожей, он прокручивал эту воображаемую сцену в голове снова и снова, как бесконечную киноленту. Позднее, мчась через лес так, будто его преследовала свора разъяренных псов, он увидел ту же сцену в слегка измененном виде. Теперь не дочери Уэнделла обнаруживали труп

с идеальным отверстием меж бровей, а Синди и Надин, его собственные дочери. И лицо у трупа было не Уэнделла, а его собственное. Неужто он заставит девочек пережить подобный ужас? Надо было застрелить человека, чтобы понять, какой удар он им нанесет?

– Тед, ты здоров?

Робишо успел задать этот вопрос дважды, хотя не прошло и минуты.

Тед сидел, обхватив голову руками и уставившись в пол. Он сам не помнил, сколько времени провел в такой позе. Робишо наблюдал за ним с явным беспокойством.

– Я здоров, Артур. У меня к тебе просьба.

– Какая?

– Мне надо встретиться с одним человеком. Его зовут Джастин Линч. Ему чуть больше двадцати, возможно, он адвокат или что-то в этом роде.

– Он как-то связан с инцидентом или...

– Связан, но не могу сказать как.

– Ты искал в интернете? Довольно тупой вопрос, но там гораздо больше информации, чем может показаться.

– Там я ничего не нашел, – солгал Тед, – посмотрим, вдруг тебе повезет больше. Ты наверняка можешь воспользоваться помощью детективов, которые с тобой сотрудничают.

– Разумеется. Завтра же с утра подниму по тревоге всю свою команду.

Тед помолчал секунду.

– Мне надо, чтобы ты начал прямо сейчас, Артур.

Он сказал это твердо, причем намеренно: именно так можно было запустить те глубинные механизмы, которые заставят Артура стараться во что бы то ни стало угодить ему. Адвокат оказал слабое сопротивление, сославшись на очевидное: сегодня его день рождения, в гостиной ждут гости, собравшиеся, чтобы провести вечер с ним. Но Теду даже не пришлось настаивать. Артур сам заявил, что несколько звонков сможет сделать сразу: кое-кто ему чем-то обязан, можно через этих людей навести справки об этом Линче. Если он начинающий адвокат или детектив, то сразу же выяснится, где он.

– Ты не представляешь, как я тебе благодарен, – сказал Тед и снова положил ладонь на колено одноклассника.

– Не за что.

Дверь кабинета открылась.

– Ты еще долго? – спросила госпожа Робишо, бросив на Теда испепеляющий взгляд.

– Нет, дорогая, всего несколько минут.

Исчезая за дверью, лицо дамы до последней секунды выражало горький упрек.

– Норма очень хорошая жена, – сказал Робишо, будто извиняясь.

Тед сделал успокаивающий жест.

– Мы вот как поступим, – сказал Робишо. – Прямо сейчас я сделаю несколько звонков. Если твой Джастин Линч – адвокат, связанный с местной системой юстиции, мы тут же об этом узнаем. Еще я проконсультируюсь с несколькими частными детективами и с моими собственными сотрудниками. Некоторые из них там, в гостиной. Ты уверен, что имя настоящее?

– Не уверен.

– Это осложняет дело, Тед.

– Знаю.

Робишо почесал в затылке.

– Завтра тебе придется немного прояснить для меня картину. Это была самозащита? Хотя бы на этот вопрос ты мне можешь ответить?

– Извини. Обещаю завтра тебе все объяснить.

Робишо кивнул.

– Иди выпей там с остальными. Я пока займусь звонками... и Нормой, которая скоро вернется и начнет читать мне мораль, – и тут же добавил: – Но ты не беспокойся, я с ней управлюсь.

Выходить из кабинета Теду совсем не хотелось. Ему было не до общения, к тому же он предпочел бы, чтобы Артур разговаривал по телефону при нем, но у адвоката, понятно, могли быть свои секреты, и Тед не стал на него давить.

9

Тед надеялся забиться в самый дальний угол гостиной Робишо и сделать вид, будто что-то внимательно разглядывает в окно. Однако, выйдя из кабинета Артура, он понял, что план его провалился. К нему тут же подошла Норма, с несколько вымученной любезностью предложила стакан пива и подвела его к столику, у которого вели оживленную беседу две семейные пары, к счастью показавшиеся ему незнакомыми. В голове смутно забрезжил вопрос: и с чего это жена адвоката решила, что эти люди для него самая подходящая компания?

Говорили в основном женщины, причем разговор выглядел очень личным: при появлении незнакомца они вдруг ненадолго замолчали. Мужчины, чье участие в беседе ограничивалось кивками, подняли глаза и опять же кивнули, приветствуя Теда, который стоял, не пытаясь занять ни один из свободных стульев. Именно в этот момент за густой бородой Тед, похоже, разглядел в одном из мужчин очередного однокашника. Его голубые глаза подтвердили догадку

окончательно, и не только потому, что Тед их смутно помнил, но в первую очередь по мимолетной искре подбострастия, похожей на ту, что он заметил совсем недавно в глазах Робишо. Боже, да был ли хоть один в этой гостиной, кто не учился бы с Тедом в одной школе! Он ощутил укол зависти к этой компании ущербных, до сих пор проводивших вечера вместе, тогда как он сам с друзьями не встречался уже много лет.

– Он вышел сухим из воды, потому что пол был теплый, – сказала одна из женщин. Это была супруга бородача с голубыми глазами. Фраза мгновенно привлекла внимание Теда, он глотнул пива и сделал шаг вперед, чтобы оказаться поближе к говорящим.

– При чем тут пол? – удивилась вторая.

– Объясни ей, Бобби.

Бобби Пендергаст! Воспоминание прилетело внезапно, словно стрела, пущенная из прошлого. Тед узнал бородача. Этот парень был чем-то вроде вундеркинда, у него на все находился ответ. В пятом классе, помнится, его перевели в специальную школу для одаренных.

– Ты Пендергаст, – сказал Тед, больше из гордости, что вспомнил фамилию, чем по другим причинам.

Все четверо обернулись к нему в испуге. Бобби молча кивнул. Когда это ты стал таким безответным, а, Бобби? Тед решил занять единственный свободный стул у столика. Гул голосов остальных гостей смягчал неловкость молчания.

– Тед Маккей, – представился он, протягивая руку.

Бобби принялся знакомить его со всеми по очереди.

– Это Ланселот Файерстар.

Тед был уверен, что слышит это имя впервые: такое и с одного раза не забудешь. Он пожал веснушчатую руку тощего рыжего Ланселота. Потом пожал руки и дамам.

– Это Тереза и Трейси.

Рука Трейси была мягкая, как губка, и по какой-то причине – по какой, можно было догадаться и без Бобби Пендергаста – мысли Теда мгновенно перенеслись к бездыханному телу Уэнделла. Убрали его уже из гостиной, или оно так и лежит на ковре?

– Мы с Тедом вместе учились в школе, – сказал Бобби.

Тед не хотел, чтобы разговор уходил в сторону.

– Вы только что... говорили о том полицейском расследовании... Не подумайте, что я специально подслушивал, но...

Трейси наморщила лоб, но через секунду вспомнила:

– Ах да! Парня оправдали, и теперь родственники жертвы выдвигают гипотезу о том, как это могло случиться. Хотя для апелляции уже поздно. Не могу поверить, что ты, Тереза, об этом ничего не слышала.

– Я не смотрю телевизор.

– Ты вообще никогда ничего не знаешь. В общем, он как-то выкрутился. Латин вроде бы.

Слово «латин» женщина произнесла с презрением. Вспомнив, что рядом за столом сидит человек, с которым она едва знакома, смутилась, но не слишком. Теду важно было услышать продолжение, так что он, состроив подходящую случаю гримасу, одобрительно кивнул, как будто он сам и все присутствующие не были потомками кучки иммигрантов – охотников за удачей.

– Как же ему удалось их обмануть? – спросила Тереза.

У Теда засосало под ложечкой. Линч говорил ему, что дополнительные обстоятельства выяснились благодаря расследованию, проведенному организацией, на которую он работал. Если тут он солгал, то и все остальное могло оказаться ложью. Тед боялся услышать ответ.

– Я же тебе сказала: дело в температуре пола, – сказала Трейси, будто открывая страшную тайну. – Этажом ниже – прачечная.

У Теда сердце упало.

– Ничего не понимаю, – сказала Тереза.

Ее муж покачал головой и поднял глаза к небу так, будто тот факт, что его жена ничего не понимает, его нисколько не удивил.

– Нечего гримасничать, – бросила Тереза, даже не взглянув на него. Ланселот поднял руки: мол, сдаюсь.

– Ориентировочное время смерти определили по температуре тела, – авторитетным тоном вставил Бобби.

– У парня оказалось идеальное алиби, – перебила Трейси. – В тот час, когда, как сказали эксперты, бедняжку убили, он сидел в каком-то баре, и куча свидетелей готова была это подтвердить. Вот его и выпустили.

Тед следил за разговором будто из параллельной вселенной. Худшие его опасения только что подтвердились. Сколько еще лжи нагородил Линч? Тед все мучился этим вопросом, пока Бобби Пендергаст излагал оставшуюся часть истории.

– По мнению родственников девушки, которые наняли эксперта, чтобы пролить свет на произошедшее, пол в квартире сильно нагревался, так как под ним проходила вентиляционная труба из прачечной. И это привело к тому, что температура тела понижалась медленнее, чем бывает обычно, что вызвало ошибку судебных медиков при определении ВНС.

– Бобби, опять умные слова.

– Извини, дорогая, при определении времени наступления смерти.

– Кто-нибудь из вас помнит, как его зовут? – спросил Тед.

Пендергасты переглянулись.

– Рамирес, – без колебаний ответила Трейси.

– Нет, не Рамирес, – возразил Боб. – И никакой он не латиноамериканец. Ты путаешь с другой заметкой, дорогая. Его зовут Блейн. Эдвард Блейн.

– Ты ошибаешься.

– Не думаю.

– Он Рамирес, Бобби, я тебе докажу, когда вернемся домой. Зачем спорить, когда я права!

Бобби опустил глаза и молча кивнул.

Эдвард Блейн.

Чего ради Линч приписал себе расследование, о котором можно было прочесть в газетах? Или он и его сотрудники как раз и поставили в известность семью? Ерунда какая-то. Тед был сыт по горло неуклюжими объяснениями, которые сам приводил в оправдание того, что случилось за последние сутки. Истина была куда проще: Линч обманул его.

И кого же тогда ты прикончил?

Тед откинулся на спинку стула и поглядел в окно, которое было от него в нескольких метрах. Что ж Артур-то все не идет?

10

Происходившее снаружи было гораздо интереснее беседы между Пендергастами и Файерстарами, плавно перетекавшей в грязные сплетни о каких-то новых соседях. Тед решил, что с его стороны было бы неучтиво просто

встать и отойти к окну, однако повернулся к нему и стал наблюдать. В большом ухоженном саду Артура стояло несколько турников и бревен для равновесия, пара досок-качелей и карусель с рулем, которая как раз оказалась в центре внимания. За рулем сидел мальчик, имеющий явное сходство с Нормой. Он крутил карусель с бешеной скоростью. Две девочки, вцепившись в свои металлические сиденья, то смеясь, то вопя, умоляли его остановиться. Их голоса, приглушенные оконным стеклом и расстоянием, доносились до Теда будто сквозь туман. Остальные ребята, помоложе, обступив со всех сторон карусель, ждали своей очереди, подпрыгивая и вознося хвалу могучему и мудрому рулевому, одним мановением руки разгоняющему аппарат до скорости света. Одна из девочек, находившихся на борту, кричала: «Тимоти, ну останови, ну пожалуйста!» – но судя по тому, как она при этом хохотала, было абсолютно ясно, что именно этого ей хочется меньше всего. Тимоти явно ожидала иная судьба, чем отца, который в его годы был застенчивым трусишкой, боявшимся всех и каждого.

Сеанс катания закончился. Девочки сошли на землю, покачиваясь, к вящему удовольствию Тимоти, который остался сидеть, скрывая, что его самого укачало, и ожидая очередных жертв своих не по летам сильных рук и центробежного ускорения. Роль Хозяина карусели подходила ему как нельзя лучше. Девочка и мальчик, чуть помоложе прежних пассажиров, заняли места справа и слева от рулевого, который, похоже, приступил к инструктажу, хотя на таком расстоянии слов разобрать было почти невозможно. Дети, слушая наставления и предостережения, постепенно перестали улыбаться. Вид у них сделался такой, будто они вот-вот помчатся по рельсам безумных американских горок.

Со своего места Тед видел и дерево, на котором висела крышка, бросившаяся ему в глаза еще в кабинете. Увидев сад целиком, он подумал, что этот кусок старой резины тут еще менее к месту, чем казалось вначале. Тед не мог похвастать близким знакомством с хозяйкой дома, но, судя по тому немногому, что удалось заметить, скажем, по тому, как она старалась угодить гостям, в том числе ему, это была дама безусловно зависимая от мнения окружающих. И крышка, которую было прекрасно видно из любого окна гостиной, казалась самой неподходящей визитной карточкой для дома, претендовавшего на безупречность. Теперь она слегка покачивалась. В нескольких метрах от дерева на скамейке сидели две женщины. Возможно, они должны были присматривать за играющими детьми, но, похоже, разговор увлекал их куда больше. Тед видел их обеих в профиль: они развернулись друг к другу на скамейке, чтобы удобнее было болтать. Недалеко от них ковыляла по траве девочка, которой на вид было не больше годика, она то падала, то снова поднималась.

Тед переводил взгляд с болтающейся покрышки на девочку и обратно. На малышке было белое платье в красный горошек, ходила она еще очень неуклюже, то и дело хватаясь за лавку или пытаясь уцепиться за воздух, после чего, естественно, плюхалась на попу. Она смеялась, разговаривала с матерью, хотя та ее не слушала. Покрышка, похоже, раскачивалась все сильнее. Отчего бы? Никто к ней не прикасался. Девочка заинтересовалась крохотным цветком, долго рассматривала его, опустившись рядом на колени и шевеля губами, может быть, просила разрешения сорвать и в конце концов осторожно взяла его за стебелек и понесла матери. Та едва ли уделила ей больше секунды внимания, беря цветок. Принеси ей девочка заряд динамита, она с такой же улыбкой приняла бы и его. Спасибо! Девочка не расстроилась, она казалась довольной, одернула платице и отправилась в очередную экспедицию. Покрышка определенно раскачивалась намного сильнее, чем раньше. Только резкий порыв ветра мог бы так ее раскачать, но даже из гостиной было видно, что никакого ветра нет. Он присмотрелся к покрышке. Что-то с нее свисало, что-то, чего раньше не было. Сначала он подумал о змее, но тут мордочка опоссума показалась над верхней частью покрышки. Хвост свисал с другой стороны. Глаза смотрели прямо на Теда, и он невольно вздрогнул. Трейси Пендергаст взглянула на него весьма неприветливо. Тед сделал вид, что это телефон завибрировал в кармане, вынул его, посмотрел, сунул обратно. И опять сосредоточился на покрышке. Глаза его встретились с глазами вонючего зверька.

Обрывки недавнего сна завертелись в голове при виде опоссума, острейшими зубами покусывавшего покрышку, не сводя глаз с окна. Не сводя глаз с него, с Теда.

Малышка подходила все ближе к опасному зверю, выставив руки вперед, готовая вот-вот упасть. Что и случилось. Тед вскочил как ошпаренный и в два прыжка оказался у окна. Остановился, чувствуя, что разговоры за его спиной стихают и все оборачиваются к нему. Опоссум приподнялся над покрышкой, опираясь на передние чудовищно когтистые лапы, теперь половина его туловища была на виду. На мгновение показалось, что девочка заметила его, остановилась – она была метрах в двух – и нерешительно затопталась на месте... Ну, ну... возвращайся к маме. Эти зверьки очень опасны: они переносят заразу и бывают агрессивными; девочка могла принять его за кошку или другое безобидное животное и подойти, чтобы погладить. В конце концов преодолев сомнения, малышка собралась с силами и двинулась вперед, к покрышке. Боже мой!

Тед изо всех сил ударил ладонью по стеклу.

– Берегись! – крикнул он.

Гостиная отозвалась эхом. Гости разом онемели. Самые шустрые бросились к окнам, кто-то остановился за спиной Теда. Некоторые остались сидеть на местах, беспомощно озираясь, не понимая, в чем дело. Норма стремглав примчалась с кухни, на ходу спрашивая, что случилось. Но в саду ни две женщины на скамейке, ни дети у карусели не услышали предостережения. Ни тем более малышка, преодолевавшая нетвердым шагом последний метр, отделявший ее от опасного зверя. Тед боролся с оконной рамой: там помимо ручки посередине были еще две задвижки на одной из створок.

– Что происходит? – спросил какой-то мужчина у соседнего окна.

– Ребенок! – ответил Тед. – Там на крыше – огромный опоссум.

Паника охватила всех. До сих пор сидевшие в оцепенении на своих местах женщины внезапно вновь обрели способность двигаться, вскочили и забегали. Некоторые кричали. Какой ужас! Не может быть!

– Я его не вижу! – орала одна из женщин.

Там в саду не так уж много крыш, мадам.

Все дружно начали колотить в стекла, и удары наконец привлекли внимание двух матерей-болтушек, которые одновременно обернулись к дому. Зрелище, представшее перед их глазами, должно быть, выглядело достаточно тревожно: десятки людей за окнами отчаянно старались привлечь их внимание. Может, в доме что-то случилось? Похоже, ни одна, ни вторая не понимали, в чем дело. К счастью, и девочка, привлеченная шумом и криками, остановилась. Ее протянутая рука замерла в сорока – пятидесяти сантиметрах от крыши.

Теду удалось открыть окно.

– Ребенок! – крикнул он. – На крыше сидит опоссум!

Материнский инстинкт сработал мгновенно: одна из женщин вскочила со скамейки и бросилась к девочке.

– Роуз!

Группа мужчин, только что стоявших у окна, уже мчалась к месту событий. У бежавшего впереди в руках был веник. Мать подхватила Роуз поперек туловища, подняла и со всех ног бросилась прочь от крыши, как будто та вот-вот взорвется.

Теперь все три окна были открыты, и гости молча наблюдали за происходящим. Опоссум спрятался внутри крыши, но спастись ему было некуда, разве что бежать куда глаза глядят. Тед спрашивал себя, остановит ли зверька веник.

– Эй, вы! – скомандовал один из охотников-добровольцев детям, толпившимся у карусели. – Залезайте все на карусель!

Их было восемь, а мест на карусели всего четыре. Но они ухитрились забраться на нее все. Мудрая предосторожность. Затравленный опоссум, спасаясь бегством, мог тяпнуть кого-нибудь за щиколотку. Две женщины тоже это поняли и взобрались вместе с Роуз на скамейку с ногами. Теперь по газону шагали только четверо мужчин, построившихся ромбом и вооруженных веником.

– Эй, Стив... – сказал тот, что с веником, – пойдй поищи чего-нибудь посущественнее. Лопату, что ли.

Замыкающий сошел со сцены. Но боевой трезубец не остановился. Дети на карусели, женщины с ребенком на скамейке, наблюдатели в окнах – все следили за развитием событий затаив дыхание. Тот, что с веником, остановился метрах в трех от цели, слегка присел и, повернув веник черенком от себя, сделал выпад вперед как можно дальше.

– Подожди, пока Стив вернется! – крикнула женщина из окна.

Мужчина отрицательно замотал головой. Крыша уже не качалась.

Черенок веника ткнулся кончиком в покрышку, она заплясала, описывая круги. Тут подоспел Стив. Лопаты он не нашел, зато принес бейсбольную биту. Новое оружие получило всеобщее одобрение. Тот, что с веником, велел Стиву подойти с противоположной стороны, а сам сказал, что будет тыкать черенком веника внутрь покрышки, чтобы выгнать оттуда зверя.

Так и сделали. Они бродили вокруг покрышки, тыча в разные ее места веником. Опоссум, возможно, передвигался в выемке, а значит, его невозможно было оттуда выгнать. Охотники подходили все ближе и ближе, пока не разглядели покрышку изнутри.

Там не было никакого опоссума.

Тот, что с веником, поднял покрышку обеими руками и продемонстрировал ее зрителям в окнах, как фокусник, показывающий, что цилиндр, в котором секунду назад сидел голубь, пуст. Взгляды с покрышки переместились на Теда. Все одновременно. Дети, все еще теснившиеся на платформе карусели, недоверчиво разглядывали чужого дядю, который, похоже, затеял весь этот переполох. Взрослые – тоже. Те, что стояли к нему ближе всех, отступили, как будто боясь, что галлюцинации заражны.

Тед едва ли осознавал, как на него реагируют. Он единственный не отрывал взгляд от качелей. Опоссум был там, и он не мог сбежать незамеченным. Тед отвел взгляд всего однажды, когда боролся с задвижкой на раме, но в это время все остальные смотрели в окна. Он повернулся спиной к окну. В гостиной царило молчание. Все уставились на него, вероятно, в ожидании объяснений. Ланселот и Тереза смотрели с укором, Бобби Пендергаст – с некоторым презрением. Норма прожигала его взглядом насквозь. Артур Робишо, который вышел из кабинета, возможно встревоженный недавней суматохой, первым подошел к Теду и положил ему руку на плечо. Тед не шевельнулся.

– Нам повезло с Линчем, – сказал Артур. Тед не сразу понял, о чем речь. – Он – частный адвокат.

Робишо протянул Теду исписанную от руки карточку.

– Мне дали адрес и телефон его конторы. Надеюсь, это то, что тебе нужно. Звони, держи меня в курсе. А пока тебе лучше уйти.

Тед был того же мнения.

11

Дом, где располагалась контора Линча, стоял на окраине города, это была ветхая кирпичная громада, окруженная с двух сторон пустырями, с третьей – автостоянкой, а с четвертой – подходившими к ней глухими переулками, единственным украшением которых служили полуразвинченные остовы машин и переполненные мусорные баки. Было всего семь вечера, но улицы уже опустели. Светилось только одно окно, на седьмом этаже, а контора Линча была на пятом. Тед набрал на мобильнике телефон с карточки и во второй раз услышал усталый голос пожилой женщины, объявлявший, что прием посетителей ведется с семи утра до четырех часов дня и что он, если желает, может оставить сообщение после сигнала. Тед не стал этого делать. Он еще по дороге сюда подумал, что едва ли застанет Линча в этот час, но все же решил попытаться: а вдруг он из тех, кто любит работать сверхурочно.

Пока последние розовые царапины раздирали горизонт к западу от этого образца архитектурного варварства, Тед обдумывал план, осуществление которого пришлось отложить на следующий день. По дороге домой он умудрился ни о чем не думать, однако, подъехав к дому, почуял что-то неладное и мгновенно насторожился. Входная дверь была приоткрыта. Войдя, он обнаружил, что все вверх дном. В хаосе разбросанных книг, выпотрошенных подушек и опрокинутых ящиков он ощутил намеренное желание поиздеваться, и это взбесило его. Взломщики не ограничились поиском какой-то определенной вещи, но еще и постарались оставить на своем пути как можно больше разрушений. Разбитые вазы и статуэтки, разбегающиеся трещины на экране телевизора, пятна от еды на стенах... Тед массировал себе голову, никак не решаясь вступить на это минное поле, усыпанное обломками его повседневной жизни. Наконец на автопилоте он двинулся в кабинет. Тут обыск велся особенно дотошно и агрессивно: ни одной книги не осталось на полках, компьютер превратился в грудку обломков межпланетного корабля, выдвижные ящики стола валялись тут и там. Картина Моне, как ни странно, висела на своем месте. Тед подошел и привычным движением снял ее. Глядя на дверцу сейфа, он подумал, что такой примитивный тайник мог бы сбить с толку того, кто торопится, но не тех, кто так долго и со вкусом здесь бесчинствовал. В диске виднелось

аккуратное отверстие диаметром полсантиметра, которое только подкрепило подозрения Теда. Он потянул за ручку, и сейф открылся. Небольшая заначка, которую Тед хранил на случай непредвиденных обстоятельств, исчезла, но папки Линча лежали там, где Тед их оставил, сложенные с вызывающей аккуратностью. Когда он открыл папку Уэнделла, то убедился, что грабители оставили там всего пару листов. Остальное исчезло.

Ложная информация.

Кого же ты убил?

– Вы кое-что забыли, – сказал Тед вслух. Он был почти уверен, что микрофоны нигде не спрятаны, но подсознательно все же надеялся, что его слышат.

Завтра разберусь с Линчем.

Но если Линч был нанят ими как актер на роль второго плана, а Тед догадывался, что, скорее всего, так и есть, трудно было понять, почему красавчик-адвокат назвался своим настоящим именем. Мог бы придумать какую-нибудь легенду. Теду приходило в голову только самое простое объяснение: организация предполагала, что он попытается получить хоть какие-то сведения о человеке, постучавшемся в его дверь с подобным предложением. А самое надежное – это реальный след. Если бы Тед взял на себя труд выяснить что-то о Линче прежде, через Робишо или как-то иначе, то сравнительно легко нашел бы его, что придало бы достоверности и всему остальному.

Проходя по коридору обратно в гостиную, он на секунду остановился у лестницы на второй этаж и с отвращением взглянул на площадку. Видеть свою спальню и комнаты девочек было бы слишком тяжело, но следовало подняться туда, чтобы оценить масштаб разрушений. Ладно, потом. Он подошел к дивану, стряхнул все, что на нем валялось: коробку от пиццы, декоративные фигурки, лампу и две подушки, – и рухнул без сил, мысленно перебирая список запланированных дел, к которым теперь прибавилось еще одно: навести чистоту и порядок в доме. Жене его смерти будет более чем достаточно; так что надо сделать хотя бы малость: позаботиться о том, чтобы умереть в приличной обстановке. Тед улыбнулся, осознав, до чего смешно это звучит. Он достал из кармана мобильник, провел пальцем по экрану, чтобы тот засветился. В последний раз они с Холли разговаривали во вторник утром, он едва сдерживал слезы и с

трудом держался обычного тона. Сказал, что воспользуется оставшимися до ее приезда днями, чтобы порыбачить с Трэвисом. Холли это не понравилось, ведь он отказался от поездки в Дисней Уорлд под предлогом неотложных (но выдуманных, конечно) встреч по работе. Он объяснил, что одного обеда с клиентом хватило, чтобы заключить договор, хотя клиент поначалу казался непробиваемым. Холли огорчилась, но сказала, что утешится в оставшиеся дни со своим поклонником во Флориде. Синди, должно быть, слышала разговор, потому что тут же заорала, что у мамы нет никакого поклонника во Флориде, и потребовала, чтобы ей дали поговорить с папой. Тед поговорил с ней, а потом и с Надин, которая, пожаловавшись, как обычно, на сестру: та, мол, совсем не помогает маме, представила ему детальный отчет обо всем, что они делали в этот день, и Тед его с удовольствием выслушал.

Вот и теперь Холли была от него на расстоянии пальца. Он прокрутил список контактов до ее имени и остановился. Экран начал тускнеть и почти погас, чего не скажешь о его желании поговорить с женой. Он приподнял большой палец и легко ударил им два раза.

Голос Холли был как глоток свежего воздуха при удушье.

– А как же рыбалка на катере?

– Да вот девки нас отфутболили в последний момент...

Холли засмеялась:

– Если они видели ваши фотографии, их нетрудно понять.

Оба замолчали. Тед не включил люстру, и слабый свет со двора смешался с сумраком гостиной. Хаос в полумраке идеально контрастировал с голосом Холли.

Боже, как я соскучился.

– Здравствуй, дорогая, – сказал Тед.

– Здравствуй, Тед. Сегодня было пекло. Девочки тебе не скажут, но я вижу, что они уже начали уставать от этой адской жары.

Он услышал, как Синди кричит издали:

– Неправда!

– Они наверняка соскучились по папе, – сказал Тед и через секунду пожалел об этом.

– Не думаю. Они почти не говорят о тебе.

– Неправда, папа! – слышалось издали.

– Мы с Трэвисом сегодня после обеда решили, что пора домой, – сказал Тед, возвращаясь к теме рыбалки. – Я не представлял, как выдержу еще ночь его храп в каюте два на два метра.

– Мы собираемся ужинать. Девочки не захотели выходить из гостиницы и попросили меня заказать еду в номер, как в кино. На самом деле им просто хочется быть поближе к кондиционеру.

– Мама!

Это была Надин.

– Что?

Мама с дочками о чем-то поговорили, потом Холли вернулась к телефону.

– Тед, ужин принесли. Давай поговорим позже, ладно?

– Наслаждайтесь своими гамбургерами. – Теду и спрашивать не пришлось. Он знал, что его дочери заказали гамбургеры.

– Пока, Тед. Девочки, скажите что-нибудь папе.

– Счастливо, папа!

Тед тоже сказал «пока», но никто его уже не слушал. Он уронил на диван руку, в которой держал телефон. Опять не удалось по-настоящему проститься с Холли, сказать, как он ее любит, хотя бы для того, чтобы она могла об этом вспоминать, когда найдет в кабинете его труп с пулей в виске. Он спросил себя: не знак ли это судьбы.

В комнате было темно.

12

Чуть подремать, то и дело просыпаясь от кошмаров, – вот все, что ему удалось этой ночью. Сполоснувшись в душе на нижнем этаже, он влез во вчерашнюю одежду и в пять утра уже искал на кухне, чем бы позавтракать. Обычно фоном к утреннему ритуалу служил голос Джека Уилсона, но на этот раз казалось, что компания ведущего новостей на четвертом канале едва ли окажется приятной. Тед предполагал, что убийство Уэнделла станет главной новостью дня, и боялся, что как раз в утренних новостях больше всего будут освещать реакцию близких. Он со вздохом нажал кнопку на пульте. Когда экран засветился, Тед вспомнил, что он разбит. Серое пятно размером с футбольный мяч заслоняло лицо ведущей (судя по декольте, это был явно не Джек Уилсон). В нижней части экрана, не закрытой пятном, была надпись, сообщавшая, что голос, который в эту секунду слышали телезрители, принадлежит полицейскому, первым прибывшему в дом у озера.

– ...патрулировал поблизости, когда поступил сигнал с центрального пульта. Я тут прожил всю жизнь, так что с детства хорошо знаю дорогу к озеру, что позволило прибыть на место в течение десяти минут...

Тед отвлекся. В гостиной что-то зашевелилось. Краем глаза он поймал темный силуэт, мгновенно скрывшийся за опрокинутым комодом.

– Сержант, а правда ли, что изображение убийцы можно будет найти в записях камер наблюдения?

С грохотом рухнул торшер. Тед присел от неожиданности.

Проклятый зверь!

– Ну, расследование идет... Скажу только, что камеры наблюдения на участке имеются, но ничего утверждать не могу.

Надпись сменилась на новую: «Убийца попал под камеры наблюдения».

Тед, сам того не замечая, подходил все ближе к телевизору, отчасти захваченный новостью, отчасти прислушиваясь к тому, что происходило в гостиной, по которой шастал невидимый, но вполне различимый на слух опоссум.

В этот момент говорила ведущая:

– ...эксклюзивное интервью сержанта Гарретта, которое мы только что услышали, дает нам представление о том, как жена и дочери Уэнделла обнаружили его тело. Их самих спасло только то, что они находились в принадлежащем семье бронированном автомобиле. Причины варварского преступления до сих пор неясны...

Тед замер в ожидании наихудшего.

– ...семья раздавлена горем: жена убитого, Холли, его дочери, Надин и Синди, пронесут эту скорбную печать до конца своих дней. Дополнительную информацию об этом чудовищном преступлении мы сообщим через несколько минут, после международных новостей. – Пауза. – Теперь о других темах: сегодня ожидается сильная жара, метеослужба сообщает, что...

Холли, Надин, Синди.

Этим утром Нина опаздывала на работу минут на пятнадцать. У нее с собой была коробка пончиков, и она надеялась, что Линча больше заинтересуют они, чем пунктуальность собственной секретарши. Хотя она работала здесь уже полгода,

предсказать реакцию шефа ей все еще не удавалось. Линч оставался для нее загадкой. Подруги говорили, что рано или поздно он начнет к ней приставать, но до сих пор никаких поползновений с его стороны не было, и это вовсе не радовало. Чего она только не перепробовала: и глубокие декольте, и соблазнительные позы, и тонкие намеки... никакого толку. Линч был на пятнадцать лет старше, но весьма привлекателен, а Нина ни в чем сейчас так не нуждалась, как в поддержке практичного и рассудительного человека.

Она поставила коробку на пол, открыла ключом дверь кабинета и наклонилась за пончиками, а когда выпрямилась, уловила краем глаза, как темнота справа от нее шевельнулась, сгустилась и вдруг обрела очертания человека. Не прошло и секунды, как он уже нависал над ней, угрожая пистолетом, который ей показался огромным.

– Входи, – приказал Тед. – Коробку и сумку клади на стол. Вот так, хорошо. Пока не оборачивайся. Делай, что я скажу, и с тобой все будет в порядке.

Нине никогда до сих пор не бывало так страшно. Ее особенно напугало, что мужчина не прятал лица. Она знала, что это значит.

– Не убивайте меня! – взмолилась она.

– Где Линч?

– Не... не знаю.

– Можешь повернуться ко мне лицом.

– Нет, я лучше так.

Теду ситуация совсем не нравилась. Он ждал Линча, а вместо него явилась эта девица, видимо его секретарь, и пришлось действовать по обстоятельствам. Что же он творит? Пугает пистолетом беззащитных секретарш? Девчонка умирала со страху и была совершенно ни при чем.

– Я спрячу пистолет, – сказал он уже немного спокойнее. – Не кричи, и я обещаю, что не причиню тебе вреда. Мне нужно поговорить с твоим шефом. Это вопрос

жизни и смерти.

Похоже, слова возымели действие. Девушка, правда, все еще стояла с поднятыми руками и шмыгала носом.

– Как тебя зовут?

– Нина.

– Я прошу у тебя прощения, Нина. Теперь можешь обернуться. Поверь мне. Не важно, что ты увидишь мое лицо: мы с твоим шефом знакомы.

Нина медленно обернулась. Сейчас она не плакала, но секунду назад готова была разрыдаться. Окинув Теда изучающим взглядом, она убедилась, что пистолета уже не видно.

– Извини, я очень неловко представился. Я невежа.

Она, все еще испуганно, кивнула.

– Успокойся. Это твой кабинет?

– Да.

– Садись на свое место. А я – на этот стул. И мы вместе подождем Линча. Ты согласна?

Нина очень медленно обошла стол. Села.

– Положи руки на стол, пожалуйста.

Она послушалась.

– Давно ты работаешь с Линчем?

– Нет. Всего несколько месяцев.

Тед кивнул.

– Понятно. В соседних офисах кто-нибудь бывает?

Нина колебалась.

– Скажи правду, Нина.

– Остальные два на этаже свободны.

– Тем лучше.

– Вы мне дали слово...

– Я тебя не трону. Мне надо было представиться тебе по-другому, теперь я это понимаю. Не ожидал тебя встретить. Не знаю почему, но я не представлял себе, что у Линча может быть секретарь. Глупо с моей стороны.

Нина промолчала.

– Вон пончики, угощайтесь, – она указала на коробку подбородком.

Тед не мог не улыбнуться.

– Нет, спасибо. Так Линч обычно приходит в девять?

Нина не помнила, чтобы говорила такое, но, возможно, и говорила. Минуты, прошедшие с ее прихода, сплелись в ее голове в запутанный клубок событий и эмоций.

– Да, – ответила она на всякий случай.

Тед откинулся на спинку стула и засунул руки в карманы спортивной куртки, которую надел, потому что под ней пистолет был не так заметен. Он нащупал рукоятку, на секунду закрыл глаза и снова задал себе тот же вопрос, что и

минутами раньше: Что я творю?

14

На столе у Нины Линч увидел коробку глазированных пончиков, подошел, подцепил крышку пальцем, приоткрыл, с недовольной гримасой осмотрел содержимое. Девушка, подумал он, наверное, вышла в уборную, но тут в его собственном кабинете послышался какой-то шум. Неужели она готовит ему там какой-нибудь сюрприз? Предпочел бы ошибиться, иначе придется провести с ней неприятную беседу о необходимости уважения личных границ. Он открыл дверь и обнаружил, что секретарша сидит за его столом, будто аршин проглотила, да еще и с вытаращенными глазами. Она не обнажила свои прелести, не приняла провокационную позу, судя по тому, как побледнело ее лицо, это явно была не игра. Линч проследил за взглядом Нины и увидел человека, стоящего в углу.

– Что здесь происходит? – спросил Линч.

Тед смотрел на него, не в силах скрыть изумления.

Это несомненно был Линч, но он казался значительно старше того юноши, с которым Тед беседовал у себя дома. На лбу у него проступили тонкие морщины, в волосах появилась седина. При этом он не потерял обаяния: зрелость обошлась с ним милосердно. Но блеск юности угас. Тед коснулся рукой головы и на мгновение прикрыл глаза. Когда он открыл их, ничего не изменилось.

– У него пистолет, – сказала Нина.

– Но я не намерен доставать его, если мы сможем договориться по-хорошему.

– Он тебя не обидел? – спросил Линч секретаршу.

– Нет.

– Сядь, – приказал Тед.

Линч обошел стол и тяжело опустился на стул рядом с тем, на котором сидела Нина.

– Как тебе сегодняшние утренние новости? – спросил Тед, подходя к двери и запирая ее. При этом он нарочно повернулся спиной к обоим своим заложникам.

– Ты это мне или ей? – попытался пошутить Линч.

– С этого момента все вопросы я задаю тебе. Девушка – это так, сопутствующий ущерб.

– Так отпустил бы ее, а мы тут с тобой разобрались бы сами.

– Подумаю.

Тед принял прежнюю позу, на этот раз опираясь спиной о дверь кабинета.

– Я новости не смотрел, – сказал Линч.

– Уэнделл мертв. – Тед изучил лицо адвоката, но не прочел на нем ни следа удивления. – Убит.

– Почему бы нам не обсудить это, как подобает цивилизованным людям? – сказал Линч, покосившись на Нину.

– И не думай.

– Она никому ничего не скажет, – заверил Линч. – Правда, Нина?

Девушка пропустила мимо ушей большую часть диалога, но тут энергично закивала.

– Никому ничего.

– Теперь, когда ты убедилась, что мы с Тедом знакомы, – продолжал Линч, – тебе уже не надо бежать в полицию. Ну а мы тем временем с Тедом разберемся с нашими проблемами.

Тед на секунду задумался. Понятно, что он не мог свободно обсуждать гибель Уэнделла при девушке. Не признаваться же при незнакомом человеке в убийстве.

– Иди домой, – сказал он ей наконец.

Нина вскочила, как подброшенная пружиной, обежала вокруг стола и остановилась перед Тедом, изо всех сил сжимая сумочку и глядя умоляюще ему в глаза. Но Тед все не отходил от двери и буравил глазами Линча, пока тот не понял, что от него требуется.

– Нина, – сказал он, – об этом никому ни слова. Нам с Тедом действительно надо кое-что обсудить.

Тед отошел в сторону. Нина выскочила пулей, не подумав закрыть за собой дверь. Тед сделал это за нее.

– Теперь выкладывай всю правду, Линч. Рассказывай, как меня подставил, ублюдок.

– Признаю, что утаил часть информации, но поверь, так было надо.

Тед одним прыжком оказался у стола, уперся ладонями в столешницу и наклонился к самому лицу Линча.

– Так было надо, говоришь? Ты скрыл, что Уэнделл женат и у него две дочери. С тех пор как я узнал об этом, мне все мерещатся на их месте мои близкие.

– Если бы я сказал тебе про жену и детей, ты бы никогда не сделал того, что сделал, – холодно бросил Линч.

Тед достал из кармана браунинг.

– А у тебя, Линч, есть жена и дети? Признавайся, а то ведь я могу сию секунду и тебе разнести башку вдребезги.

– Тед, будь добр, опусти пистолет, я тебе все объясню.

– Я уже однажды слушал твои объяснения, ублюдок. – Тед тряхнул головой. – Все так запутано...

– Ты о чем?

Тед опустил оружие. Снова спрятал его в карман. Придвинул стул, стоявший рядом с картотечными шкафами, и тяжело на него опустился.

– Выкладывай все начистоту, Линч. Брось свои игры.

Адвокат кивнул.

– Я назвал тебе свое настоящее имя, Тед. Мне было ясно, что рано или поздно ты явишься сюда. Пришло время рассказать тебе всю правду. – Линч шевельнулся на стуле и выдал сокрушительную фразу: – Уэнделл не собирался кончать с собой.

Стоило Линчу произнести это, как в картотечном шкафу, точнее в нижнем его ящике, что-то гроыхнуло. Тед инстинктивно повернул голову на звук. Он не повторился. Судя по лицу Линча, тот ничего не слышал.

– Мы познакомились с Уэнделлом в университете, – продолжал Линч, – подружались. В те годы как раз возникла организация, Уэнделл в нее вступил и очень скоро стал одним из ее столпов. Но он не был заинтересован в восстановлении справедливости, Тед. Уэнделл – отъявленный убийца. Он убивал и убивал многие годы.

Тед нахмурился. Линч продолжал рассказ.

– Я недавно почти случайно узнал о параллельной деятельности Уэнделла. Думаю, я подозревал его всегда, но не хотел себе в этом признаваться.

– Почему ты не заявил на него?

– Ты видел, как он живет? Он влиятелен, у него много связей, ему помогают. У него в прошлом были проблемы, но он легко выкрутился. Не говоря уже о том, что я ничего не мог доказать.

– Жена и дети – не единственное, что ты скрыл от меня, – заметил Тед. – Про камеры наблюдения ты тоже забыл сказать.

– Мне очень жаль.

– Жаль ему... – повторил Тед обреченно. – Ты хоть осознаешь, что перед тобой человек, которому нечего терять?

– Ты все поймешь, вот увидишь.

– А Блейн? Вся твоя информация о нем – полное дерьмо. Каждая собака и так знала, что он виновен. Если ты хотел расправиться с Уэнделлом, зачем послал меня убивать Блейна?

В шкафу снова гроыхнуло. Громче, чем в первый раз. Как будто кулаком стукнули в стенку ящика изнутри. Тед вскочил.

– Что это было?

– Ты о чем?

Сердце Теда билось как сумасшедшее.

– Давай я тебе кое-что покажу, – сказал Линч. – У меня этот материал как раз в ящике стола.

Тед снова навел пистолет на Линча.

– Открывай медленно.

– Само собой.

Линч выдвинул второй ящик.

– Вот эта папка.

– Доставай ее.

Тед снова сел на стул. Папка выглядела точно так же, как те, которые Линч передал Теду у него дома. Тед собрался открыть ее, но адвокат его остановил.

– погоди, сначала я хочу тебе кое-что объяснить. Как я уже сказал, недавно мне стало известно о делах Уэнделла, об убийствах. Он когда-то был моим другом, но зло, которое он творил, перевесит любую дружбу. – Он помолчал. – Открывай папку.

Тед спрятал браунинг.

– Скажи, что в ней.

Он не решался притронуться к папке.

– Холли изменяла тебе, – выложил Линч без обиняков. – В этой папке неоспоримые доказательства. Фотографии, записи телефонных разговоров, счета из гостиниц.

Тед скорчил презрительную гримасу. Это уж точно неправда. Он протянул руку, чтобы открыть папку, но в последнюю минуту передумал. Что-то в лице его переменилось.

– Холли подала на развод, – продолжал Линч. – Вы давно уже не ладили.

– Это полная чушь.

– Подумай минутку...

Тед снова прокрутил в голове кадры с Холли в доме Уэнделла, опять увидел девочек, со всех ног бегущих к дому, улыбающихся, с розовыми рюкзачками. Куча эпизодов, пережитых им с Холли в последние месяцы, всплыла у него в памяти. Действительно, это он в последнее время вел себя отчужденно, холодно, оправдываясь работой и черт знает чем еще. Открывать папку не хотелось.

– Я следил за Уэнделлом, – сказал Линч, – и случайно узнал об измене Холли. Это довольно длинная история.

В шкафу опять застучало.

– Хватит! – крикнул Тед железному ящику.

Линч с ужасом глядел, как Тед вскочил, в два прыжка очутился у шкафа и изо всех сил пнул его ногой.

– Заткнись!

Он вернулся к столу и в порыве внезапной ярости хлопнул ладонью по папке. Она отлетела к шкафу, несколько листов с напечатанным текстом и одна из фотографий наполовину вывалились из нее. Тед вскрикнул, упал на колени рядом с фотографией и стал в ужасе ее рассматривать. Снимок был сделан с улицы через окно ресторана. Холли сидела в профиль, слегка наклонившись над столом. Она улыбалась, и рот ее был приоткрыт. Она готова была попробовать что-то, что ей протягивал некто, сидящий напротив. Видна была только часть руки мужчины. Тед поднялся на ноги. Он отступал, не сводя глаз с фотографии, и внезапно наткнулся на металлический шкаф. Изнутри в ответ посыпался целый град ударов.

Тед наклонился, выдвинул нижний ящик и едва сдержал крик, зажав рот руками.

– Что там? – спросил Линч.

Опоссум высунул морду из ящика, принялся, как накануне, сидя на крышке в саду Робишо, вскарабкался на борт, его передние лапы повисли в воздухе, и

он, перевалившись через край, шлепнулся на пол.

Тед, спотыкаясь, выбежал из кабинета, не вспомнив о пистолете, который так и болтался у него в руке, будто продолжение кисти. Он бежал по коридору, ломился в каждую дверь, но только ударялся о них и отступал: они все были заперты. Где же лифт, будь он проклят! Тед схватился руками за голову и так добежал до конца коридора, где чуть ли не спикировал по какой-то грязной тесной лестнице, ступени которой становились все уже. Раза два он едва не упал. Нижний этаж был гораздо темнее верхнего: ни одна лампа не горела, под некоторыми дверями валялись кучи нераспечатанных затоптанных писем. Он толкнул первую попавшуюся дверь и оказался в пустом кабинете, пропахшем затхлостью и пустотой. Старый массивный каталожный шкаф, который его хозяева не удосужились вынести, глядел на него с удивлением, будто разинув пасть в том месте, где не хватало одного ящика. Тед обнял его и медленно сполз по металлической стенке на пол. Он не сводил глаз с открытой двери, откуда вот-вот должен был появиться опоссум.

Часть вторая

1

В тот самый миг, когда Тед Маккей был готов разнести себе пулей мозги, во входную дверь настойчиво зазвонили.

Он открыл глаза. Дневной свет, бивший в окно кабинета, ослепил его. Удары в дверь не заставили себя ждать. А с ними и голос того, кто по идее должен был оказаться незнакомцем.

Тед встал и тут же обнаружил в кармане брюк какой-то тяжелый предмет. Левой рукой он нащупал знакомые закругленные очертания подковы. Тед удивленно осмотрелся. В кабинете, который, как он помнил, был перевернут вверх дном, царил обычный порядок: на столе все на своих местах, книги – на полках, компьютер – на столике сбоку. Пока Линч орал, чтобы ему открыли дверь (Тед

знал, что это Линч), он только и смог, что дотянуться до кнопки компьютера, как будто включить компьютер означало окончательно убедиться, что все происходит на самом деле. Аппарат, просыпаясь, как всегда, замигал лампочками и зажужжал. Тед со смесью ужаса и раздражения тут же выключил его, нажав и подержав нажатой ту же кнопку. Мысленно он услышал, как ему выговаривает Надин: Ты неправильно выключаешь, папа. Надо щелкнуть «Пуск», потом «Завершение работы». Так меня мама учила. Тед вздрогнул. На столе лежало письмо для Холли.

– Откройте, прошу вас!

Тед искал ключи в баночке, а за дверью все продолжали кричать, и в конце концов он дождался знакомой фразы:

– Откройте же, наконец, Тед!

Почему меня не удивляет, что ты знаешь мое имя, Линч?

Он отпер дверь кабинета. Прочитал записку для Холли: «Дорогая, я оставил дубликат ключа на холодильнике. Не входи с девочками. Люблю тебя». Казалось, что это писал другой человек. Тед не мог выкинуть из головы фотографию Холли в ресторане, где она склонялась над столом, чтобы попробовать кусочек, который протягивал ей любовник. Но можно ли помнить то, чего еще не случилось?

– Иду! – крикнул Тед.

Выйдя в гостиную, он увидел знакомый силуэт за окошком рядом с дверью. На этот раз Тед опять разглядывал все с острым интересом, но не потому, что уже простился со всеми этими вещами, не надеясь их больше увидеть, а потому, что помнил их побитыми, разбросанными и растерзанными.

Открыв дверь, он увидел Линча, юную версию Линча, с сияющей улыбкой, в разноцветной полосатой рубашке-поло и с таким неуместным потертым чемоданчиком.

– Что бы вы ни продавали, мне это не интересно, – слегка перефразировал Тед слова своего другого я.

– Ох, боюсь, продать мне вам нечего.

Диалог продолжался, и Тед заметил, что Линч не подает никаких признаков того, что беседует с ним не в первый раз. Его поведение было слишком естественным. Тед снова захлопнул дверь перед носом посетителя, но на этот раз не остался стоять перед ней, чтобы убедиться в осведомленности Линча о том, что он собирается делать с пистолетом, оставленным в кабинете на столе, а бегом бросился на кухню, к холодильнику. пляжная фотография Холли оказалась на месте, Холли на ней все так же замерла на бегу в странной позе. На месте была и рамка из фольги, которую смастерили Надин и Синди. Тед постоял немного у холодильника, с облегчением водя пальцем по изображению жены, как будто ему нужно было это прикосновение к скользкой бумаге, чтобы убедиться, что фотография действительно тут.

Он сунул руку в карман. Подкова тоже была настоящей. Он сжал ее в кулаке, не вынимая из кармана, и в этот миг кончиками пальцев нащупал клочок бумаги. Не веря своим глазам, он достал истертую записку, написанную собственным почерком:

ОТКРОЙ ДВЕРЬ

ЭТО ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Тед вернулся в гостиную, чтобы впустить настойчивого посетителя. Линч все так же стоял, улыбаясь, под жарким полуденным солнцем.

Тед сидел на корточках, обхватив голову руками, покачиваясь туда-сюда, и не сводил глаз с фотографии Холли на пляже, которую он положил на пол у своих ног. Надо было разобраться.

Это опухоль...

Доктор Кармайкл предупреждал, что головные боли могут возобновиться, могут появиться головокружения и даже галлюцинации. Ведь предупреждал же?

Да, доктор Кармайкл говорил о галлюцинациях. Но одно дело, когда по саду у тебя бегают домовые, из унитаза встает радуга или творится еще какое-нибудь психоделическое дерьмо в этом роде, и совсем другое – то, что происходит с ним.

Он заставил себя встать, и тут тяжесть подковы напомнила ему, что хоть что-то на этот раз отличается. Он вынул ее из кармана и долго разглядывал. Воспоминание о том, как он подобрал ее на дорожке во владениях Уэнделла, было очень ярким. Так же отчетливо он видел внутренним взором каждую деталь дома у озера. Записка тоже была здесь, и по тому, насколько она была измята, ясно было, что в кармане она провела много времени.

Тед наклонился и положил подкову рядом с фотографией. Он потом решит, оставить ли ее здесь или забрать с собой. Сейчас в первую очередь надо было поговорить с Холли. Они с ней условились не разговаривать до пятницы, то есть до тех пор, пока она не придет подписывать документы о разводе. Как же он умудрился забыть такую важную деталь? Он еще сказал ей, что адвокатам потребуется несколько дней, чтобы все правильно оформить, а она, как Тед и предполагал, решила съездить на это время с девочками к своим родителям. Напоследок они вполне по-дружески поговорили в гостиной и мирно простились, как будто на какой-то неуловимый миг прежние Тед и Холли восстали из пепла. Но это была иллюзия, которой хватило лишь на то, чтобы небрежно обняться и тепло улыбнуться друг другу на прощание. События последних месяцев не оставили от их союза камня на камне, восстанавливать было нечего. Тед признавал, что отчасти виноват и он... да только он на самом деле и виноват. Его целиком поглотила работа, как признался он позднее Лоре Хилл, и он сам не заметил, как стал отдаляться от семьи и становиться тем, прежним Тедом, строптивым подростком, которого никто не понимает, а ведь казалось, что ему удалось побороть в себе это благодаря чувствам, которые он питал к родным. Начались головные боли, он вечно был не в духе; даже девочки стали

поглядывать на него с опаской. «Со страхом, Лора, а ведь нет ничего ужаснее, чем понять, что тебя боится твой собственный ребенок. Как будто кто-то посторонний взял над тобой власть». Именно тогда он пошел к Кармайклу, потому что головные боли мучали его уже не раз в день, а три-четыре раза, причем становились все сильнее. Тед опасался худшего: злокачественной опухоли. С другой стороны, возможность приписать свое гнусное поведение кучке мертвых клеток сильно облегчает жизнь.

Новость не столько его расстроила, сколько позволила ясно увидеть перспективу. Лора, надо признать, очень помогла ему. Помогла распрощаться с некоторыми иллюзиями, к которым он слишком долго был привязан. Отношения с девочками стали налаживаться, да и с Холли тоже. И вот тогда она попросила его о разводе. «Я давно хотела серьезно с тобой поговорить». Беседа прошла весьма цивилизованно. Она сказала, что лучше так, чем если бы он узнал все от ее адвоката, ведь они заслужили того, чтобы все кончилось так же хорошо, как и начиналось. Тед разделял ее мнение.

Теперь он гораздо лучше понимал ее мотивы.

– Здравствуй, Тед, – отозвался голос Холли с того конца провода.

– Здравствуй...

Дорогая.

Он ощутил укол в груди. У его ног лежала фотография улыбающейся Холли в красном купальнике. Любимая его фотография.

– Ты как там?

– Нормально. Извини, что звоню тебе на мобильный.

– Ничего страшного. Что-то не так с документами?

– Нет, бумаги почти готовы.

Молчание.

– Холли, ты у родителей?

Или у любовника?

– С какой стати я должна давать тебе отчет?

– С тобой мои дочери, так что думаю, должна.

Стоило этой фразе сорваться с языка, как он тут же о ней пожалел.

– Прости.

– Ты по какому делу звонишь, Тед? Я занята.

Тед совершенно растерялся. Да, Холли определенно его обманывала, но тогда она действительно в опасности. Кто знает, чего можно ожидать от Уэнделла.

Ты ведь не знакома с Уэнделлом.

– Береги себя, Холли.

– Я и так себя берегу. В чем дело? Произошло что-то, о чем я должна знать?

Тед понял, что надо срочно придумывать отмазку. – Были странные звонки, звонили нам домой, я беспокоюсь.

– Странные звонки? Что за звонки? Ты в полицию сообщил?

– Не думаю, что стоит это делать. Упоминали тебя, поэтому я и забеспокоился.

– Меня? – теперь, похоже, Холли по-настоящему встревожилась.

– Я не хотел тебя волновать, но ведь надо было предупредить, правда?

– Да, да, понимаю.

– Ты только береги себя.

– Постараюсь. Спасибо.

Тед не мог не улыбнуться, услышав эти почти дежурные слова благодарности.

– Пока, Холли.

– До пятницы, Тед.

3

– Сегодня я чуть не покончил с собой, – произнес Тед будничным голосом.

Он сидел в кабинете Лоры Хилл в обычном своем кресле и смотрел на стоявший посреди журнального столика стаканчик с водой. Потом поднял глаза.

– Тебя это, кажется, не особенно трогает, – проговорил он с бледной улыбкой.

– Но ведь ты здесь, – ответила она, улыбнувшись в ответ.

– Утро было безумное. Даже не знаю, с чего начать.

– Времени у нас довольно.

Тед сидел у Лоры уже несколько минут, но так нервничал, что только сейчас обратил внимание на то, как она выглядит.

– А ты сегодня с распущенными волосами, – заметил он.

Лора вспыхнула, тряхнула головой, так что волосы веером прошли по ее лицу. Они стали явно светлее, чем обычно.

– Вчера была в парикмахерской. Решила сменить имидж.

В галлюцинации последних дней Лора не ходила в парикмахерскую. Опухолям явно не было дела до таких подробностей.

Это была не галлюцинация! Линч приходил к тебе сегодня утром.

Улыбка сползла с лица Теда. Если требовалось еще одно доказательство реальности последних событий, то оно лежало у него в кармане брюк. Он нашел подкову у дома Уэнделла и прекрасно запомнил это место, хотя получается, что на самом деле никогда там не бывал.

– Так что же случилось сегодня утром, Тед?

– Я сидел дома в кабинете, приставив к голове браунинг, как вдруг кто-то как бешеный начал колотить в дверь. Похоже, что я только в этот момент осознал, где я и что собираюсь сделать.

По лицу Лоры невозможно было прочесть ничего.

– Ты не помнишь, как взял в руки оружие?

– Мало этого. Я не помнил и до сих пор не помню почти ничего из того, что со мной в последние дни происходило. Только смутные обрывки воспоминаний. И отчасти потому, что у меня есть... есть другие воспоминания. Как будто опухоль все перемешала.

– Продолжим про сегодняшнее утро. Вот ты в кабинете. Слышишь стук в дверь. И что дальше?

– На столе лежит письмо для Холли, написанное мною собственноручно. Еще я повесил снаружи на двери кабинета предупреждение, чтобы она не входила с девочками. Явно все было основательно продумано. Похоже, пока я обнаруживаю деталь за деталью, прошлое понемногу проясняется у меня в голове.

– Ты действительно веришь, что мог бы нажать на спусковой крючок?

Тед склонил голову и потер висок. Лора протянула руку и слегка сжала его плечо.

– Тед, оставайся со мной, смотри на меня. Вот так... Кто же стучался к тебе в дверь?

– Некто Линч, – сказал Тед. – Я подумал, что он коммивояжер, и попытался отделаться от него, но оказалось, он знал, что я собирался делать в кабинете: сказал что-то про оружие, не помню точно что, но это было довольно верно. Но главный абсурд заключался в том, что мне казалось, будто я уже раньше побывал в этой ситуации и знал, о чем Линч будет говорить и что предложит. Как будто смотришь фильм, который помнишь наизусть.

– Думаешь, с тобой это действительно раньше было?

– Нет, – сказал Тед. – Это опухоль, Лора. Доктор Кармайкл говорил, что такие опухоли могут вызывать галлюцинации, что она могла давить на определенные участки мозга, и отсюда...

– погоди, Тед. С доктором Кармайклом, если понадобится, мы поговорим. Я пока хочу узнать, возможно ли, что ты когда-то был знаком с Линчем, может быть, в прошлом, когда был моложе.

– Удивительно, что ты об этом спрашиваешь.

– Почему?

– Потому что в этой фантазии, о которой я рассказываю, мы снова встретились с Линчем спустя несколько дней, и казалось, что он стал старше лет на десять-пятнадцать. Так вдруг раз и состарился. – Тед щелкнул пальцами. – Как во сне, когда люди меняются в мгновение ока.

Тед что-то вспомнил, тряхнул головой и засмеялся.

– Что такое? – спросила Лора.

– Вспомнил, что как будто был здесь у тебя, – сказал Тед, оглядывая стены. – Волосы у тебя были, как раньше, ведь я не мог знать, что ты их теперь носишь по-другому. Но, боже... я вспоминаю мелкие детали. Ты веришь, что это возможно? Можешь такое себе представить?

– О чем мы говорили? На сеансе, я имею в виду.

Тед сунул руку в карман, нащупал полукруг подковы.

– О том, почему я бросил шахматы.

Лора, казалось, была удивлена.

– Что у тебя в кармане?

Тед достал подкову, схватил ее обеими руками и долго смотрел на нее с таким выражением, будто пытался решить сложную задачу. Лора заговорила очень тихо:

– Миллер подарил тебе ее перед тем, как ты бросил шахматы, ведь так?

Тед резко вскинул голову и уставился на Лору широко раскрытыми глазами. Она сочувственно улыбнулась.

– У меня хорошая память – что поделаешь? – сказала Лора. – Когда ты рассказывал мне про Миллера и про подкову, я поняла, что это важно для тебя. Но не думала, что ты ее сохранил.

– Нет, это не та подкова, не Миллера. Но очень похожа. Я нашел ее... точно не знаю где. Не помню, – солгал Тед.

У озера в поместье Уэнделла!

– Ты мне говорил, что этот Линч сделал тебе какое-то предложение. Какое?

– Боже, все это полный бред... Он сказал, что принадлежит к секретной организации, подбирающей людей вроде меня, чтобы поручить им восстановление справедливости. Требовалось покарать тех преступников, которые остались на свободе из-за сбоя в системе правосудия, что-то в этом роде. В благодарность они позволяли мне войти в клуб самоубийц, хотя Линч его так не назвал.

– И таким образом твоя семья и семьи других участников не так пострадали бы от последствий самоубийства, – заключила Лора, явно восхищаясь глубиной замысла.

– Вот именно.

– Остроумно, надо признать. Хотя мороз по коже. Ты о таком впервые слышал?

– Уверен, что впервые.

– Кого же ты должен был убить? Ради восстановления справедливости, я имею в виду.

– Типа по имени Эдвард Блейн. Он прикончил свою подружку, но остался на свободе.

– А, да, об этом говорили по телевизору. Сестра жертвы требует, чтобы его судили во второй раз, потому что следователи допустили ошибку.

Тед вспомнил, как Трейси Пендергаст рассказывала про этот случай в гостиной Артура Робишо.

– Кажется, под квартирой располагалась прачечная и проходила горячая труба, отчего тело не остывало.

– Что же ты сделал в своей фантазии, Тед?

– Фантазия... Смешно звучит.

– Я знаю.

– Думаешь, эти воспоминания – действительно часть моего прошлого?

– Возможно, какие-то элементы и реальны. Но давай сосредоточимся на том, что ты помнишь. Какие чувства ты испытывал к Блейну?

– Считал, что должен его убить. Хотя сейчас я считаю, что нелепее ничего нельзя придумать, но в той другой реальности убить Блейна было делом вполне разумным. Это было столь же разумно, как мне покончить с собой. Так что я забрался к нему в дом. Помню интерьер во всех подробностях, хотя и уверен, что никогда там не был. Я спрятался в шкафу и дождался, когда он заснет. И тогда вошел к нему в спальню и убил его.

– Взял и хладнокровно застрелил?

– Нет. Блейн догадался, что я в доме, и несколько осложнил мне задачу. Но я его все же убил.

– А что было потом?

– С этого момента история начинает все больше смахивать на сон. Я отправился к другому субъекту, которого должен был убить. Его звали Уэнделл, и предполагалось, что он ждет меня. То есть предполагалось, что он входит в клуб самоубийц. Он жил в огромном доме среди леса, рядом с озером, принадлежавшим ему же. Я дождался в доме и, как только он вошел, застрелил его. Предполагалось, что Уэнделл не женат и детей у него нет, по крайней мере, так мне сказал Линч. Тем не менее через несколько минут явилась женщина с двумя маленькими дочками.

– Но ты же говорил, что у Уэнделла не было детей.

– Я так думал. Линч опустил эту информацию, потому что понимал: знай я о детях, никогда бы не согласился.

– А об этом откуда тебе известно?

– Позднее Линч мне сам признался.

– Значит, ты с ним встречался еще раз.

– Конечно. Заподозрив, что меня обманули, я отправился к Артуру Робишо, моему однокашнику. Он адвокат, и мы с ним давным-давно не виделись. В школе он был робким тихоней и почти ни с кем не дружил, мы с товарищами над ним издевались и жестоко подкалывали. Думаю, подобные воспоминания не отпускают всю жизнь. Так вот, я пошел к нему домой, а у него как раз день рождения. Были гости, другие однокашники, все лузеры, как сам Артур, многих я не узнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Рука в кармане,

Касаясь пальцами стали,

Ощутила тяжесть пистолета.

Он чувствовал, как бьется сердце,

Бьется, бьется, бьется.

О, любовь моя, о, любовь моя,

О, любовь моя, о, любовь моя...

(англ.).

Главный герой фильма «Знакомьтесь: Джо Блэк» (1998 года). На самом деле это смерть, решившая устроить себе небольшие каникулы и познакомиться с миром людей, для чего приняла облик обаятельного молодого человека (роль которого исполнил Брэд Питт).

Купить: https://tellnovel.com/ru/aksat_federiko/posledniy-shans

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)